

ИСКУССТВО ПОХИЩЕНИЯ

КНИГА ВТОРАЯ *поцелуев*

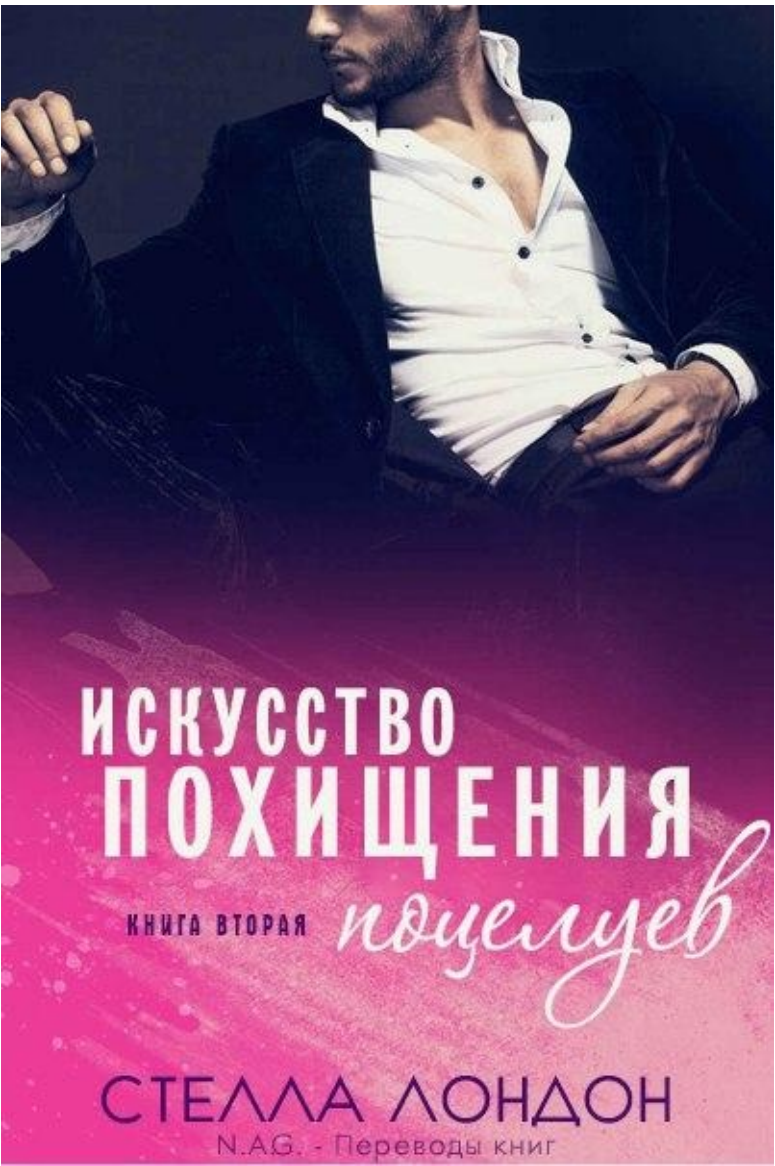
СТЕЛЛА ЛОНДОН

N.A.G. - Переводы книг

Annotation

Бесценная картина. Потрясающе красивый новый босс. Загадка, которой я не могу сопротивляться. С тех пор как в мою жизнь ворвался миллиардер и коллекционер произведений искусства Чарльз Сент-Клэр, вся моя жизнь кардинально изменилась. Я сменила свою старую форму официантки на дизайнерские наряды и неудачные свидания вслепую для жаркого секса с самым завидным женихом в городе. Но вереница дерзких грабежей шедевров искусства продолжается – и все улики указывают на Сент-Клэра. Что за человек кроется за придуманным образом? И какие секреты он скрывает за улыбкой на миллион долларов? Все, что я знаю – я собираюсь насладиться раскрытием истины.

•

Стелла Лондон
Искусство и Любовь # 2

N.A.G. – Переводы книг

Книга предназначена только для ознакомительного чтения.
Любая публикация данного материала без ссылки на группу и указания переводчика строго запрещена.
Любое коммерческое и иное использование материала, кроме предварительного ознакомления, запрещено. Пожалуйста, уважайте чужой труд.

Стелла Лондон

Искусство и Любовь # 2

Искусство похищения поцелуев

Оригинальное название: The Art of Stealing Kisses (Love and Art #2) by Stella London, October 14th 2015

Стелла Лондон «Искусство похищения поцелуев»
(Искусство и Любовь #2), июнь 2016

Количество глав: 14 глав

Переводчик: Gabriella Arakelyan

Редактор: Anastasiya Goncharova

Вычитка и сверка: Gabriella Arakelyan и Anastasiya Goncharova

Обложка: Nell Jo

Переведено специально для группы: https://vk.com/nag_books

Стелла Лондон

Искусство и Любовь # 2

Аннотация:

Бесценная картина. Потрясающе красивый новый босс. Загадка, которой я не могу сопротивляться.

С тех пор как в мою жизнь ворвался миллиардер и коллекционер произведений искусства Чарльз Сент-Клэр, все в ней кардинально изменилось. Я сменила свою старую форму официантки на дизайнерские наряды и неудачные свидания вслепую

для

жаркого секса с самым завидным женихом в городе. Но вереница дерзких грабежей шедевров искусства продолжается – и все улики указывают на Сент-Клэра.

Что за человек кроется за придуманным образом? И какие секреты он скрывает за улыбкой на миллион долларов? Все, что я знаю – я собираюсь насладиться

раскрытием

истины.

3

N.A.G. – Переводы книг

Глава 1

Если бы жизнь была мюзиклом, я бы пела песню о своем счастье.

Я буквально сбежала из своей квартирки в на редкость солнечный для Сан-Франциско день: над головой ни облачка, лишь прекрасное лазурное небо Ван Гога.¹ Так как это реальный мир, я сдерживаюсь, чтобы не начать танцевать прямо на улице. Вместо

этого

выражаю свою радость чуть более нормальным способом.

– Здравствуй, как поживаете? – радостно говорю я женщине, выгуливающей очаровательного черного лабрадора. – Какой милый песик!

Она смотрит на меня с опаской и тянет собаку поближе к себе.

– Ты что, под кайфом?

Может, не таким уж и нормальным.

– Просто в хорошем настроении, – отвечаю я.

– И что, радоваться за тебя? – огрызается она и идет дальше.

Вообще-то, я не могу ее винить. Всего пару дней назад я бы тоже закатила глаза, если бы увидела себя на улице, насвистывающей и подлетающей при каждом шаге, словно задалась целью перешагнуть через мост «Золотые ворота». Но красота в глазах смотрящего, и сегодня ничто не сможет запятнать мои розовые очки.

– Такси! – машу я проезжающей машине, улыбаясь, когда желтый кэб подъезжает к обочине.

– Куда едем? – спрашивает водитель, когда я устраиваюсь на сиденье.

– Финансовый район. Я приступаю к новой работе. – Работе, о которой я мечтала пять лет. Вообще-то, всю мою жизнь.

– Поздравляю, – говорит он самым скучным голосом на свете.

Я откидываюсь на заднем сиденье, нисколько не обеспокоенная тем, что в салоне пахнет ногами, и устремляю взгляд на великолепные высокие здания, мелькающие вдоль улиц. Неделию назад мне приходилось заставлять себя видеть что-то красивое в этом самом городе, когда я направлялась в Аукционный дом «Кэррингс», чтобы драить полы и слушать, как на меня орет самый высокомерный босс всех времен. Но благодаря – мне хочется верить – судьбе, толике удачи и вере красивого незнакомца в мои способности я на пути к невероятной возможности: быть новым арт-консультантом одного из самых богатых – и горячих – мужчин на планете. Неслабо для кого-то, кто едва мог добиться собеседования в прошлом году.

– Как делишки? – спрашиваю у таксиста.

Он хмурится.

– Мне на ботинки помочился пес, – отвечает он. – А сейчас моя пассажирка без умолку со мной болтает.

– По крайней мере обещаю на вас не мочиться, – говорю я. Наконец на его лице появляется улыбка, и я чувствую, что сделала сегодня доброе дело.

Мама всегда учила меня: то, что ты отправляешь в окружающий мир – ту красоту, которую создаешь или негатив, которому даешь волю – все к тебе вернется. Речь о карме, полагаю, но для нее это всегда было скорее балансом. Напоминанием, что всякое жестокое слово или яркая улыбка всегда к кому-то обращены. А сегодня я чувствую, что все мои улыбки и тяжкий труд долгих лет наконец-то бумерангом возвращаются ко мне – таксист даже пожелал мне удачи, высадив перед моим новым офисом: небоскребом из стекла и стали, который, казалось, может достать до облаков. Я начинаю понимать, что имела в виду моя мама, и теперь мне хочется, чтобы моя радость распространялась на других. Может, частичка этой радости достигнет и ее, где бы она ни была.

Мои каблочки стучат по тротуару, когда я протискиваюсь сквозь толпу других людей, спешащих на свою работу. Всего несколько недель назад я была одной из них: так спешила, что налетела на незнакомца и пролила кофе на его галстук. Но конечно же он недолго оставался незнакомцем. Красивый бизнесмен оказался Чарльзом Сент-Клэром, мужчиной, который вскружил мне голову и нанял в качестве своего личного арт-консультанта.

1 Винсент Виллем Ван Гог (нидерл. Vincent Willem van Gogh; 30 марта 1853, Грот-Зюндерт, около Бреды, Нидерланды — 29 июля 1890, Овер-сюр-Уаз, Франция) — нидерландский художник–постимпрессионист.

Стелла Лондон

Искусство и Любовь # 2

Вхожу в гладкий и блестящий лифт и быстренько проверяю в его серебристых дверях как я выгляжу, ощущая первый нервный трепет, когда поправляю челку и улыбаюсь, чтобы проверить, нет ли помады на зубах. Я не видела Сент-Клэра с той ночи на крыше, когда он предложил мне работу. От жара между нами пощипывало кожу. Не уверена,

что

произойдет или даже чего я хочу, но точно знаю одно: хочу выглядеть как можно лучше.

Дзинькнув, дверцы лифта открываются, и прежде, чем я успеваю ступить на полированный деревянный пол, меня приветствует миниатюрная, фигуристая женщина

в

милых очках:

– Доброе утро, мисс Беннет! – Она жестом просит следовать за ней. – Я Мэйси, секретарь мистера Сент-Клэра, и помогу во всем, что вам потребуется. Добро пожаловать.

– Приятно познакомиться, зовите меня Грэйс, пожалуйста.

Следую за ней в вестибюль. Я, конечно, ожидала увидеть роскошь, но, святая корова, это шикарно: два кожаных дивана стоят друг напротив друга, между ними широкий кофейный столик, увенчанный серебряной вазой, с элегантными белыми цветами.

Блестящий деревянный бар заполнен бутылками с водой и содовой, там же стоят бокалы

и ведро со льдом. Окна от пола до потолка служат обрамлением расстилающемуся внизу городу, белому зданию-терминалу для паромов с его башней с часами и искрящимися синими водами залива.

– Вау, – на миг я застываю, просто впитывая тонкую элегантность этого места и драматическую панораму.

Мэйси прочищает горло.

– Кофе? – Она протягивает мне фарфоровую чашечку. – Одна ложка сахара, две ложки

сливок, верно?

– Да, как вы...? – Вдыхаю насыщенный аромат кофе французского способа обжарки. Моего любимого.

– Мистер Сент-Клэр оставил инструкции, – улыбается Мэйси. Я улыбаюсь в ответ – блин, а он хорош. Она продолжает: – Он также велел передать вам, что вскоре увидитесь с

вами, но пока будет на телефоне. – Она снова жестом просит следовать за ней, мы выходим и направляемся по коридору, стены которого увешаны изысканными картинами

и эскизами различных стилей и жанров, все фантастические. – Я покажу вам ваш офис.

– У меня есть свой офис? – мое сердце делает кульбит, и я сдерживаюсь, чтобы не начать самой скакать по коридору. День становится все лучше. В «Кэррингс» я проводила по восемь часов в комнатах без окон, а «У Джованни» обслуживала столики,

и

самым близким к офису в моей жизни был перевернутый пустой ящик от вина, на

котором я сидела во время перерывов.

– Конечно, – произносит Мэйси, с улыбкой оглядываясь на меня. – Сент-Клэр уже какое-то время искал арт-консультанта. Мы очень взволнованы, что у нас появились вы. Вот мы и пришли.

Она открывает дверь в угловой офис-люкс, который превышает размером мою квартирку-студию. Такой же вид на миллион долларов, что и в вестибюле, открывается

из

моего окна: пальмы и маленькие белые барашки волн от лодок, проносящихся по воде, окружающей вдалеке Алькатрас. Даже серый Карквинезский мост кажется серебряным,

утопая в золотом утреннем свете.

– Вау, – шепчу я, чуть не роняя челюсть. – Вы уверены, что это мой офис? Нет ли какой-нибудь ошибки?

Такое уже бывало раньше.

Мэйси выглядит развеселившейся.

– Мистер Сент-Клэр говорил, что вы веселая. Может приступим, что скажете? – Мэйси проходит к письменному столу из красного дерева, стоящему в углу комнаты, и

включает

компьютер. Мой компьютер. *Мой* офис!

– Сент-Клэр сказал предоставить вам все, что потребуется. Если вам нужно имя арт-дилера, с которым он познакомился на вечеринке в Париже три года назад, или

индейку

на ржаном хлебе без майонеза, просто скажите, и я придумаю, как это раздобыть. Я люблю свою работу, которая состоит в том, чтобы все шло гладко, поэтому, что бы не потребовалось, я могу это устроить. Понятно? – Она хороша. Я ошеломленно киваю, все еще переваривая тот факт, что работаю тут и у меня есть свой кабинет. – А теперь я

хочу

показать вам, как...

5

N.A.G. – Переводы книг

Я непроизвольно сканирую нежно-кремовые стены, и мои глаза цепляются за...

– Простите, это оригинал эскиза Фриды Кало?2

Мэйси останавливается и улыбается, вместо того чтобы выглядеть раздраженной.

– Да, – отвечает она. – Сент-Клэр сказал, что у вас хороший глаз.

– Простите, что перебила. Я просто не могу поверить, что в моем кабинете работа известного художника, – говорю я смущенно. – Это невероятно – находиться вблизи такого таланта.

Мэйси смеется, и я тут же ощущаю, будто облажалась, выглядя слишком нетерпеливой и неопытной, не в состоянии отделаться от гнетущего ощущения, что на самом деле мне тут не место.

– Я сказала что-то не то? – спрашиваю я, а мои щеки начинают слегка гореть.

– О, нет! – восклицает она. – Вы с Сент-Клэром прекрасно поладите! – Мэйси двигает мышкой и кликает ей. – Ну а теперь... все наши файлы доступны через сеть, так что

когда

что-нибудь ищите, можете начать отсюда...

Но мой взгляд останавливается на очередном предмете: картина Дали3 из дома Сент-Клэра в Напе: сюрреалистичное изображение слона, пересекающего пустыню. Я ее обожаю. И вот она тут.

Он запомнил.

Я вспоминаю, что она висела у него на кухне – той кухне, где Сент-Клэр начал целовать мою шею, расстегивая платье, и не остановился, пока не разложил меня на своем столе и... – Грэйс?

– О, простите, – квакаю я пересохшим ртом. Чувствую, как начинают краснеть мои щеки, словно гигантский баннер на тему неподобающих мыслей. – Здесь жарковато? –

Я

отгоняю мысли о мягких руках Сент-Клэра и его знающем языке и стараюсь сфокусироваться на том, что пытается сказать мне Мэйси о международных базах данных.

– Итак... файлы.

– Художники, – она снова смеется. – Вот для этого у вас есть я. В основном для всего, что поможет вам в работе – организация поездок, бронирование обедов, контактная информация – вы говорите, и я это предоставляю. – Она усмехается. – Я очень хороша

В

своем деле. – Мэйси берет со стола маленькую золотую коробочку и передает ее мне. – Это ваши визитные карточки.

Я открываю коробочку и обнаруживаю толстую глянцевую карточку с тиснением черной и золотой вязью. *Грэйс Беннет, Консультант – Сент-Клэр Интернейшенал.*

Оно на бумаге; должно быть, все официально.

Пути назад нет.

Мэйси собирается на выход, сообщив напоследок, что будет дальше по коридору.

После чего уходит, оставив меня в одиночестве осваиваться в моем кабинете – и в моей новой жизни.

Я ставлю на стол кофе – на роскошную агатовую подставку – и опускаюсь в свое кресло, шикарная кожа которого поддерживает меня, как подушка.

Тихо. Я медленно поворачиваю кресло, чтобы снова иметь возможность лицезреть шедевры и вид из окна. Чувствую солнечное тепло через стекло и решаю секундочку просто посидеть, удивляясь тому, что жизнь может так быстро измениться и что риск

на

самом деле может повлечь за собой награду.

– Кхм. – В дверном проеме стоит Сент-Клэр, я выпрыгиваю из задумчивости и практически из своей кожи. – Прости, – произносит он, его красивые скульптурные черты искажаются от огорчения. – Я не хотел тебя напугать.

2 Фрида Кало де Ривера (исп. Frida Kahlo de Rivera), или Магдалена Кармен Фрида Кало Кальдерон

(исп. Magdalena Carmen Frieda Kahlo Calderon; Койоакан, Мехико, 6 июля 1907 — 13 июля 1954), —

мексиканская художница, наиболее известная автопортретами. Художественный стиль Фриды

Кало иногда характеризуют как наивное искусство или фолк-арт. Основоположник

сюрреализма

Андре Бретон причислял её к сюрреалистам.

3 Сальвадор Дали (полное имя Сальвадор Доменек Фелип Жасинт Дали и Доменек, маркиз де Дали

де Пуболь, кат. Salvador Domenec Felip Jacint Dalí i Domènech, Marqués de Dalí de Púbol, исп.

Salvador Domingo Felipe Jacinto Dalí i Domènech, Marqués de Dalí y de Púbol; 11 мая 1904, Фигерас —

23 января 1989, Фигерас) — испанский живописец, график, скульптор, режиссёр, писатель. Один

из самых известных представителей сюрреализма

Стелла Лондон

Искусство и Любовь # 2

– О, нет, все хорошо. – Я нервно встаю, не уверенная, что сказать. В своем тщательно подогнанном костюме он так же великолепен, как и всегда: темные волосы обрамляют красивые черты, а от этого сексуального английского акцента мой живот скручивает узлом. – Спасибо тебе большое за... – начинаю я.

– Как ты...

Мы оба замолкаем и начинаем смеяться, тем самым немного ослабляя напряжение, которое я чувствую.

– Ты первый, – говорю я.

– Я собирался спросить, как ты обживаешься.

– Отлично! Правда отлично. Еще раз спасибо за такую возможность, – отвечаю я, стараясь, чтобы голос не звучал слишком подобострастно. – Обещаю, что не подведу тебя.

– Знаю, что так и будет, – говорит он, с намеком приподнимая бровь. – У меня хороший глаз на таланты. В твоём присутствии будет весело.

Весело.

Я замираю, пораженная внезапным сомнением. Мы провели вместе лишь одну ночь – да, удивительную ночь, – но он поэтому меня нанял? Чтобы я ждала в его офисе в неглиже, после того как увеличу ценность его коллекции произведений искусства?

– Так, эм, какие из моих талантов ты надеешься использовать? – нерешительно спрашиваю я, стараясь, чтобы мой голос звучал обыденно, но ненавидя себя за возникшую вдруг неуверенность в себе.

Он будто читает мои мысли, потому что сразу же заверяет:

– Грэйс, дело не в этом. Уверяю тебя, ты именно тот человек, который нужен мне для этой работы, потому что ты великолепно с ней справишься.

По моему телу пробегает волна облегчения:

– Спасибо.

Если мои друзья и семья могут верить в меня, почему бы и не Сент-Клэру? «*Верь в себя*, – сказала бы моя мама. – *А остальное придет*».

– Не стоит благодарности, – улыбается он, демонстрируя свои ямочки. – Это правда. Наши глаза встречаются, я смотрю на его идеальной формы губы в тот миг, когда он делает вдох, словно собирается сказать что-то еще, и чувствую все предпосылки к тому,

что оставаться в профессиональных рамках будет очень трудной задачей. Делаю глубокий

вдох, *спокойно девочка*.

– Может, начнем с обсуждения позиции. Я имею в виду, работу, – добавляю я, не обращая внимания на свой румянец. – Быть консультантом – довольно обобщенное понятие, и я знаю, что многие по-разному к этому подходят.

– Конечно, – Сент-Клэр подходит ближе и садится в кресло напротив. – Я думаю, что ты будешь моим основным советником в отношении всего, что связано с искусством. Ты будешь помогать мне создавать мою коллекцию, искать новых художников и приобретать

полотна, управлять публичной стороной моих произведений искусства. Мой бюджет почти неограничен, – добавляет он с застенчивой ухмылкой. – Так что у тебя будет полная свобода определять для меня любое направление, которое считаешь наилучшим. Возможно, мне стоит создать классическую коллекцию, а может, ты захочешь, чтобы я вкладывал в новые работы. Все зависит от тебя.

Мой пульс ускоряется от возбуждения: это все по-настоящему!

– Это все звучит... идеально, – удается мне выговорить.

– Благотворительность очень важна для меня, – добавляет он. – Так что твоим первым заданием будет выбрать несколько полотен из моей коллекции, чтобы пожертвовать их новому крылу госпиталя Ноб Хилл. Они будут торжественно представлены во время гала-

ужина в конце этой недели.

– Какие-нибудь указания? – спрашиваю я, жадно делая пометки.

Он улыбается:

– Следуй своим инстинктам. Я тебе доверяю.

У меня уже голова идет кругом от идей, когда водитель подъезжает к хранилищу ценностей, где у Сент-Клэра хранятся излишки произведений искусства. У него так много

полотен, что он не может выставить их все в своих многочисленных домах и офисах по всему миру, поэтому остальные хранятся в этом специальном месте с климат-контролем.

7

N.A.G. – Переводы книг

Я даже представить себе не могу наличие такого количества бесценных произведений искусства, чтобы большую часть из них приходилось прятать от глаз, но, полагаю, теперь

меня окружает совершенно другой мир, в котором у меня есть личный водитель, ведь я перемещаюсь на легковом автомобиле вместо автобуса, и от моего решения зависит, которые из великолепных картин будут выставлены в большом новом крыле госпиталя. Зайдя внутрь, я обнаруживаю, что оно похоже на обычное хранилище – если они бывают с плюшевыми коврами, люстрами и вооруженной охраной. Помещения разных размеров: комнаты поменьше для марочных вин и ювелирных изделий, побольше – для мебели или произведений искусства. Консьерж ведет меня по длинному коридору к хранилищам Сент-Клэра и вводит ряд кодов безопасности, прежде чем двери с щелчком

открываются. Раздается шипение.

– Давление воздуха строго регулируется, – объясняет он. – Все произведения искусства

запечатаны на стеллажах из плексигласа и с климат-контролем, так что их можно просматривать без ущерба для полотен.

Он отходит в сторону, а я захожу в помещение. Это место словно музей! По всей комнате стоят стеллажи с картинами, и я могу подвести к себе по автоматическим дорожкам любую картину, просто нажав определенную кнопку. Я мельком просматриваю

их, сканируя глазами стеллажи: Климт⁴ во всем своем золоченом великолепии, Пикассо,⁵

наполненный яркими цветами и формами, Ротко⁶ с его смелыми полосами цвета... мне хочется провести тут весь день, изучить каждый мазок кисти поближе, почувствовать запах полотен.

Я в раю.

– Что-нибудь еще? – спрашивает консьерж. – Чай, кофе?

– Нет, спасибо.

– Когда определитесь с выбором, просто запишите номер позиции, и наша транспортная бригада организует отправку картины. – Он выходит из комнаты, опустив голову.

Чувствую себя ребенком в кондитерской. Я словно в супермаркете, только с бесценными произведениями искусства, и могу выбрать все, что хочу. Моей маме бы тоже

это понравилось – секретная галерея только для нас. В детстве мы ехали на метро в город,

чтобы посетить музеи и галереи – не только большие, она любила крошечные выставочные залы и скрытые местечки; граффити на стенах и парней, рисовавших портреты для туристов вдоль бухты. «Хорошее искусство не всегда очевидно, Грэйс, – говорила она. – Настоящее творение рискует, трогает тебя, открывает твоё сердце».

От такого изобилия я даже не знаю, с чего начать, поэтому начинаю с начала:

просматриваю по очереди каждое полотно и делаю пометки, чтобы иметь представление

обо всей коллекции. Может, сейчас я и ищу что-то конкретное, но мне нужно будет знать

все для последующих выставок, и мне хочется проделать работу прекрасно. Я поглощена

неистовыми брызгами Джексона Поллока,⁷ когда слышу позади себя какой-то шум.

– Эта тоже одна из моих любимых, – произносит голос.

Я вздрагиваю: это Сент-Клэр – прислонился к стене и наблюдает за мной с улыбкой.

4 Густав Климт (нем. Gustav Klimt; 14 июля 1862, Баумгартен, Австро-Венгрия — 6 февраля 1918,

Вена, Австро-Венгрия) — широко известный австрийский художник, основоположник модерна в

австрийской живописи. Главным предметом его живописи было женское тело, и

большинство его

работ отличается откровенный эротизм.

5 Пабло Диего Хосе Франсиско де Паула Хуан Непомусено Мария де лос Ремедиос Сиприано де ла

Сантисима Тринидад Мартир Патрисио Руис и Пикассо (в русском языке принят также вариант с

ударением на французский манер Пикассо, исп. Pablo Diego Jose Francisco de Paula Juan

Nepomuceno María de los Remedios Cipriano de la Santísima Trinidad Mártir Patricio Ruiz y Picasso; 25

октября 1881, Малага, Испания — 8 апреля 1973, Мужен, Франция) — испанский художник,

скульптор, график, театральный художник, керамист и дизайнер. Основоположник кубизма

6 Марк Ротко (англ. Mark Rothko, имя при рождении — Маркус Яковлевич Роткович; 25 сентября

1903, Двинск, Витебская губерния, ныне Даугавпилс, Латвия — 25 февраля 1970, Нью-Йорк) —

американский художник, ведущий представитель абстрактного экспрессионизма, один из

создателей живописи цветового поля

7 Пол Джексон Поллок (англ. Paul Jackson Pollock; 28 января 1912 — 11 августа 1956)

—

американский художник, идеолог и лидер абстрактного экспрессионизма, оказавший значительное влияние на искусство второй половины XX века.

Стелла Лондон

Искусство и Любовь # 2

– Как давно ты тут? – восклицаю я.

– Довольно давно, – ухмыляется он. – Ты выглядишь такой взволнованной. Никогда не видел, чтобы кто-то был так счастлив быть запертым внизу, в этой коробке.

– Это не из-за комнаты, а из-за ее содержимого! Сталкер, – добавляю я, игриво показывая ему язык.

– Красота каждый раз заставляет меня останавливаться и смотреть на нее, – произносит он, и мое сердце трепещет. Он делает шаг ближе, его глаза прикованы к моим. – Я имею в виду картины, конечно же.

– Конечно, – эхом отзываюсь я, чувствуя, что меня тянет к нему как магнитом, что мне необходимо почувствовать прикосновение его кожи к моей.

Он отвечает мне поцелуем. Мягким и легким, едва скользящим по моим губам. Я таю, прильнув к его мускулистой груди, смакуя ощущения от его сильных рук на своей талии, и его мягких губ, исследующих мои. Его губы становятся все более настойчивыми, поцелуй глубже и, запрокинув голову, я слышу собственный стон.

Я забываю, что должна работать, что Сент-Клэр мой босс, и позволяю поглотить себя жару его поцелуя.

Глава 2

Несколько дней спустя я нажимаю на кнопку интеркома на своем телефоне.

– Мэйси, можешь прислать мне на почту окончательный вариант подписей с названием по каждой картине для госпиталя Ноб Хил? Я хочу закончить с ними и отправить на принтер.

Карточки с названием под картинами – это заключительный этап. Выбранные мной произведения искусства были уже перевезены и развешаны на стенах, наряду с другими

пожертвованиями, так что я чувствовала себя на высоте. Мама бы очень мной гордилась.

Думаю, ей бы тоже понравились выбранные мной полотна. Надеюсь, они понравятся Сент-Клэру. Для него будет сюрпризом увидеть, что именно я выбрала. После нашего жаркого поцелуя в хранилище ему пришлось улететь в Сиэтл по делам, и его не будет до

начала сегодняшнего гала-ужина. Несмотря на его отсутствие, мне было приятно каждый

день приходить в свой кабинет. Это работа моей мечты, и мне с трудом верится, что я здесь.

– Я все еще жду их, – отвечает Мэйси. – Уже скоро.

– Спасибо.

Я делаю глоток кофе и просматриваю расписание предстоящих выставок и аукционов, отмечая те, которые нам следует посетить. Мой компьютер издает звук, и я перевожу

на него взгляд. На экране пульсирует иконка скайпа – это моя лучшая подруга Пейдж.

– Приветтики, – говорю я, когда на экране появляется ее лицо. Она в трениках, волосы собраны в «конский хвост», в одной руке палочки, в другой коробка с китайской едой,

она с набитым ртом активно пережевывает лапшу. Должно быть, там сейчас время ужина – разница во времени с Лондоном восемь часов.

Я приподнимаю бровь.

– Ужин чемпионов?

– Ужин одинокой женщины, работающей сверхурочно, – отвечает она, проглотив.

Пейдж работает в страховой компании, расследуя претензии по кражам произведений искусства по всему миру.

– Все еще ищешь украденного Рубенса? – спрашиваю я. На прошлой неделе баснословно дорогое полотно было похищено из «Кэррингера», как раз после того, как Сент-Клэр купил его на аукционе за шесть миллионов долларов. Это грандиозный скандал – большая загадка, когда такая картина просто растворяется в воздухе.

– Да, этот парень из Интерпола – Ник Леннокс – думает, что эта кража связана с другими по всей Европе, но у него нет реальных улик или подозреваемых, – пожимает плечами Пейдж. – Я сделала все, что только могла придумать, чтобы найти возможный след, но безрезультатно.

– Я надеюсь, этого парня найдут. Какой засранец крадет бесценные шедевры лишь для

того, чтобы прятать их в каком-то хранилище бог знает где? – возмущаюсь я. – Конечно Сент-Клэр и другие коллекционеры тоже придерживают шедевры между выставками, но

эти воры хотят запереть картину подальше от глаз, чтобы больше никто не мог ей насладиться. Ублюдки.

– Спокойнее, Тигр, – с улыбкой смотрит на меня Пейдж.

– Да ну тебя. – Показываю ей язык.

– Как дела на новой работе мечты? – Она вертит в руках палочки.

– Отлично! – Я приосанилась в своем кресле. – Все еще пытаюсь привыкнуть, но каждый день меня снова и снова поражает осознание, что это на самом деле моя жизнь! –

Знаю, что сияю, говоря это, но не могу удержаться. – Мне нужно было выбрать картины,

которые Сент-Клэр пожертвует новому крылу госпиталя. Хотелось бы мне, чтобы ты могла прийти на открытие.

– И мне, – усмехается Пейдж. – Может, когда-нибудь.

– Надеюсь, им понравится мой выбор, – нервно добавляю. – Это мое первое крупное задание, и мне хочется произвести хорошее впечатление на Сент-Клэра.

Пейдж ухмыляется:

8 Питер Пауль Рубенс — крупнейший южнонидерландский живописец, воплотивший в своих произведениях подвижность, безудержную жизненность и чувственность европейской

живописи эпохи барокко.

Стелла Лондон

Искусство и Любовь # 2

– О, я уверена, так и будет. Но как же он выразит признательность своей новой сотруднице, а? – дразнит она. – У меня есть парочка идей...

Прежде чем я успеваю возразить, раздаётся сигнал моего телефона. Это сообщение от Сент-Клэра.

«Составишь компанию на гала-ужине сегодня?»

Мое лицо вспыхивает.

– А-ха! – Пейдж ничего не упускает. – Это был он, не так ли?

– Он хочет отвести меня на гала-ужин.

– Типа свидания?

Мой пульс чуть ускоряется от надежды, но я не уверена.

– Возможно? Или это просто профессиональное. Я имею в виду, ведь по сути я курировала полотна. – Но был также тот поцелуй... – Что мне ответить?

Пейдж закатывает глаза:

– Говори «да»!

Я пишу: «Конечно». И он почти мгновенно отвечает: *«Отлично! Могу я забрать тебя до этого на ужин? В 7?»*

– Грэйс и Чарльз сидят на дереве... – поет Пейдж.

– Прекрати! – Мое лицо вспыхивает.

– Ц-Е-Л-У-Ю-Т-С-Я. Сначала приходит любовь...

– Серьезно, Пейдж. Он теперь мой босс. Все уже не так просто.

– Все зависит только от того, что ты об этом думаешь, – пожимает плечами Пейдж. – Предпочтешь ли заниматься горячим, нетривиальным сексом, вместо того чтобы проводить платонические ночи в одиночестве?

– Ну, когда ты так ставишь вопрос...

Я улыбаюсь. Вот почему всем нужен такой друг, как Пейдж. Я отписываю Сент-Клэру: «Жду с нетерпением». А затем задумываюсь о том, что только что сделала: приняла приглашение на роскошный гала-ужин с дресс-кодом «черный галстук»⁹ среди высшего

общества Сан-Франциско. Улыбка сползает с моего лица.

– Что не так? – спрашивает Пейдж.

– Мне нечего надеть.

– Грэйс, умоляю. В этом месте ты должна отправиться по магазинам и разориться на что-нибудь сексуальное.

– Я не могу себе этого позволить, – автоматически говорю я.

– Ты сказала мне размер своей новой зарплаты и, поверь, ты можешь купить дорогой новый наряд, – фыркает Пейдж. – Кроме того, теперь ты арт-консультант миллиардера. Тебе лучше соответствовать. Ты знаешь мой девиз: играй роль, пока роль не станет тобой.

– Ты никогда в своей жизни не играла роли, – подкалываю я. – Ты слишком самоуверенная.

– О, я много играла. – Пейдж приподнимает брови. – Вот почему я больше не увлекаюсь связями на одну ночь.

Я смеюсь.

– Я скучаю по тебе, – чувствую, как больно сжалось сердце. – Мне не хватает дерзости в жизни.

– Знаю, – отвечает она. – Нам нужна ночная вылазка. Как в старые добрые времена. Я вздыхаю, скучая по временам, когда приходила домой к Пейдж, которая смотрела MTV, устроившись на диване с большим пакетом кренделей с арахисовым маслом и бутылкой вина, и ждала рассказ о том, как я провела свой день и делилась историей о своем.

– В другой раз?

– В другой раз, – кивает она.

⁹ Дресс-код для формальных вечерних мероприятий (театральная премьера, официальный прием, рождественский бал, благотворительный вечер). Женщины должны быть одеты в вечернее или

коктейльное платье, допускается качественная бижутерия. Мужчинам следует надеть парадный

костюм или смокинг с черным галстуком или бабочкой.

11

N.A.G. – Переводы книг

Решаю последовать совету Пейдж и провести послеобеденное время, занимаясь

шопингом в магазинах, от ценников которых у меня обычно гипервентиляция. Отговариваю себя пойти опять в H&M – если я хочу, чтобы меня воспринимали всерьез, кто-то, кто принадлежит их миру, то должна визуально соответствовать. В итоге я стискиваю зубы, крепко держу осанку (и кредитку) и делаю то, что нужно сделать. Спустя три часа и пару сотен долларов, я стою перед зеркалом, глядя на отражение кого-то совершенно непохожего на меня. Или это какая-то альтернативная версия меня:

культурная, утонченная. Осмелюсь сказать... гламурная? Это наверно из-за новых туфель

на каблуках. Эти штуки с ремешками стоят как все мои закупки в продуктовом за месяц, но они классные. И высокие. И я вроде как влюбилась в них.

Мое новое черное шелковое платье без бретелек очень сексуальное, отчего я чувствую себя кинозвездой, готовящейся пройтись по красной дорожке. От цены я вздрагиваю, но,

к моему облегчению, оно меня не разорит – уже нет. Сент-Клэр выдал мне щедрый аванс

– от первой зарплаты, полагаю, – и эта сумма гораздо больше, чем я когда-либо могла заработать за все те ночи, что обслуживала столики, подавая спагетти с фрикадельками.

Более чем достаточно для нового платья и туфель, милого клатча и роскошной укладки в

парикмахерской кварталом ниже.

Сейчас, когда я выгляжу соответствующе, нужно убедиться, что и веду себя так же. Не хочется разочаровать Сент-Клэра – или себя. Мне выпал шанс всей жизни, и я хочу наслаждаться каждым мгновением.

До меня доносятся громкие голоса из ресторана внизу: ди Фиорес в полном составе. Но

тут я улавливаю британский акцент и понимаю, что с ними, должно быть, Сент-Клэр.

Сердце екает. Бросаю на свое отражение последний беглый взгляд, вновь напоминаю себе, что справлюсь, и спускаюсь в ресторан «У Джованни».

Следуя на шум голосов, обнаруживаю Сент-Клэра в буквальном смысле окруженным ди Фиорес: владельцами Ноной и Джованни, их дочерью Кармэллой и ее мужем Фредом,

плюс кузен Эдди – все одновременно говорят с ним на таких децибелах, что запросто можно лишиться слуха.

– Народ, – окликаю я, но никто не слышит меня сквозь гул: Фред спрашивает у Сент-Клэра совет относительно инвестиций, а Эдди демонстрирует свои бицепсы:

– Ну, мужик, сколько раз ты можешь отжаться?

– Привет! – ору я на полную громкость.

Все поворачиваются ко мне.

Эдди присвистывает, Нона хлопает в ладоши от восторга, но меня волнует лишь реакция Сент-Клэра. Его глаза чуть округляются, после чего приобретают новый подернутый дымкой насыщенный оттенок.

Я чувствую себя единственной женщиной в мире.

По-прежнему устремленный на меня взгляд Сент-Клэра вынуждает остальную часть

разговорчивой итальянской семьи, которая приняла и приютила меня, постепенно утихнуть и развернуться в мою сторону.

– Привет, – говорю я нервно.

– Наша маленькая Грэйс совсем выросла, – сияет Нона.

Я подхожу к ним немного неловко, из-за непривычно высоких для меня новых туфель. Сент-Клэр подхватывает меня под руку своей твердой, но теплой ладонью. – Было здорово повидаться со всеми вами, но у нас забронирован столик.

Джованни встает на нашем пути:

– Ужин где? Нигде в этом городе не подают лучшей еды, чем тут. Вы останетесь и поедите.

Он дважды хлопает в ладоши, появляется официант и устанавливает в передней части ресторана спецстолик – трон Джованни и Ноны.

Сент-Клэр смотрит на меня с немым вопросом. Мне не хочется делить его с кем-то, но также не хочется быть грубой с ди Фиорес. К тому же мне любопытно посмотреть, как Чарльз выстоит перед их яркими личностями (и, как мне известно, бесспорно лучшим соусом маринара в этой части города).

– Давай останемся, – решаю я. – Если это не проблема?

– Конечно, – улыбается мне Сент-Клэр. – Я бы хотел подружиться с ними.

Стелла Лондон

Искусство и Любовь # 2

Он кладет руку мне на поясницу, провожая к столику, от чего по моему позвоночнику пробегает легкий трепет. Надеюсь мне удастся контролировать румянец – что-то мне подсказывает, что от взгляда Ноны ничего не ускользнет.

Мы устраиваемся на своих местах, Джованни и Нона присоединяются к нам за столиком. Кармэлла и Фред отправляются на свои рабочие места, а кузен Эдди ошивается

неподалеку, поглядывая на Сент-Клэра.

Джованни пускает по кругу корзинку со свежее испеченными булочками чиабатта. Сент-Клэр надкусывает и замирает:

– О, Боже мой, это самый лучший хлеб, который я когда-либо пробовал.

– Все так говорят, – смеется Джованни, гордо сияя.

– Это *бига* – секретная закваска для рецепта дрожжей, которую я привезла более пятидесяти лет назад от своей бабушки из Неаполя. Секрет хорошего хлеба в правильной

пропорции всех ингредиентов, – говорит Нона. – Как в браке, – добавляет она, бросая на меня взгляд.

Сент-Клэр жует с полным ртом.

– Очень вкусно, – говорит он, и я улыбаюсь. Он нашел путь к их сердцам, конечно же, через еду и завоевал их. – Расскажите, как вы открыли ресторан? – спрашивает Сент-Клэр. – Как я понимаю, это заведение уже давно существует.

Джованни пускается в повествование об истории ресторана, слышанную мной уже сотни раз, поэтому я откидываюсь на стуле и стараюсь расслабиться. Все же странно,

что все собрались за одним столом. Ди Фиорес знают меня как свою официантку и

названную

дочь, а Сент-Клэр видел только образ, который я являю миру: лощеная и уверенная в себе

– ну или по крайней мере стараюсь таковой быть. Интересно, что он на самом деле думает

о них. Этот ресторан с его домашним уютом и деревенской едой далек от пятизвездочных

заведений, к которым он привык. Но вскоре Сент-Клэр уже увлеченно рассказывает о необычных блюдах, которые пробовал в Италии, под радостный смех Джованни и Ноны.

Он вписывается. У Сент-Клэра есть удивительная способность, зайдя в любое помещение, расположить к себе людей. И дело не только в его внешнем очаровании, но и

в том, как искренне он интересуется каждым и хочет услышать их истории.

Ужин пролетает незаметно, и как только со стола убирают тарелки, Джованни поднимает свой бокал:

– Тост за наших Грэйси и Чарльза и их важный вечер.

Отовсюду раздаются поддерживающие реплики.

– И за хлеб! – улыбается Сент-Клэр.

Я опускаю взгляд на свои часы, памятуя, что Сент-Клэр является почетным гостем на сегодняшнем благотворительном вечере. – Нам, пожалуй, пора, – извиняюсь я.

– Огромное спасибо за прекрасную трапезу, – говорит Сент-Клэр представителям семьи ди Фиорес, пожимая руку Джованни. Он целует Нону в щеку и по-дружески сжимает плечо Эдди. И я рада видеть, что тот дружелюбно сжимает его в ответ. –

Надеюсь

вскоре вновь вас всех увидеть.

– Я лишь прихвачу свою накидку, – говорю ему и направляюсь в гардеробную в задней части ресторана. Нона следует за мной.

Она смотрит на меня с беспокойством на лице.

– Ты кажешься очень... увлеченной этим молодым человеком.

Я краснею.

– Он мне и правда нравится, – признаюсь я.

– Это я вижу. Но не позволяй своему сердцу затмить все настолько, что ты перестанешь видеть землю под собой, ладно?

Я удивлена. С чего бы это она?

– Нона, я в порядке. – Я целую ее в макушку. – Спасибо, что печешься обо мне.

– Просто постарайся, чтобы мишура не затуманивала твой взор, Грэйси, дорогая. –

Она сжимает мою руку. – Вся эта пышность и блеск.

– Не волнуйся за меня, со мной все будет хорошо.

– Я знаю, – мягко улыбается она.

Я иду к дверям, чтобы присоединиться к Сент-Клэру, но не могу перестать думать о словах Ноны: вдруг это окажется правдой? Повлияет ли вся эта роскошь на правильность

принятых мной решений? Или, что еще более тревожно: не повлияла ли уже?

Глава 3

Когда мы приезжаем на гала-ужин, я не верю собственным глазам: к вестибюлю нового современного крыла госпиталя ведет настоящая красная ковровая дорожка, вдоль

которой по обеим сторонам разместились фотографы, чтобы запечатлеть прибывающее

общество. Повсюду вспышки фотокамер и громкие выкрики репортеров, задающих вопросы. Шагая под руку с Сент-Клэром, я чувствую себя знаменитостью.

– Посмотрите сюда, мистер Сент-Клэр!

– Чарльз, пару слов!

– Сент-Клэр!

Он спокойно ведет меня мимо, периодически останавливаясь, чтобы сказать о том, какую огромную работу провели организаторы благотворительной акции и что новое крыло поможет большому количеству людей.

– Ты так естественно общаешься с прессой, – произношу я, как только мы минуем папарацци.

Он улыбается.

– Это часть моей работы, – пожимает плечами он. – Но, сказать по правде, нелюбимая.

Все это внимание – неотъемлемая часть этой деятельности, так же как и игра на публику.

Я опешила, но он, кажется, серьезен.

– Так какой ты настоящий? – поддразниваю я.

– Просто я, – Сент-Клэр одаривает меня тихой улыбкой и берет за руку. – Парень, который приготовил тебе ужин в Напе, который только что провел прекрасный вечер с твоей семьей.

Я улыбаюсь.

– Это замечательный парень, – говорю я, задаваясь вопросом, к чему этот неожиданный всплеск аутентичности.

Он улыбается в ответ.

– Не забывай об этом, – произносит он.

В здании огромный вестибюль превратили в зону приема гостей: бар расположен в одном конце выложенного мрамором помещения, повсюду развешаны произведения искусства, переданные в качестве пожертвований. Сент-Клэра тут же окружают. Он представляет меня различным удивительным людям со словами: «Это мой арт-консультант, Грэйс Беннет», – и я чувствую себя Золушкой на балу. Это волшебно.

Наконец Сент-Клэр произносит:

– Давай пройдемся, посмотрим на полотна и попрощаемся с теми, что я пожертвовал.

Я смеюсь, но потом понимаю, что он говорит серьезно.

– Но они же просто лежали в твоём хранилище.

Сент-Клэр подхватывает два фужера шампанского с ближайшего подноса и протягивает один мне.

– Вот поэтому я отдаю их для лучшей жизни. Но все же хочу напоследок взглянуть.

Мы прогуливаемся по периметру зала, направляясь к той его части, где вывешены донации Сент-Клэра. Перед тремя полотнами – над которыми я долго мучилась,

прежде

чем в итоге остановить на них свой выбор – собралась небольшая толпа: дикие и безумные брызги Поллока, абстрактность Пикассо и работа многообещающего художника по фамилии О'Брайен, который использует неоновые цвета и крупные размашистые формы.

Люди перешептываются, а картины окружает такая энергия, что я начинаю нервничать. Работы, которые я выбрала, не подходят к остальным полотнам, выставленным здесь. Другие холсты скучные и традиционные: акварели, пейзажи,

много

изображений цветов и деликатной работы кистью. Типичные вещи, которые вы видите

в

приемной врача – и именно из-за этого я пошла другим путем. Но теперь передумала.

Если эти картины не соответствуют, то выставляют Сент-Клэра в дурном свете.

– Думаешь, с ними что-то не так? – спрашиваю я нервозно, напрягаясь по мере того, как мы подходим ближе. Прежде чем Сент-Клэру удастся ответить, кто-то замечает его

и

начинает аплодировать. Постепенно люди из толпы присоединяются к овациям, в итоге десятки человек рукоплещут нам и расходятся, давая возможность подойти к картинам.

– Похоже, что нет, – шепчет он мне.

Репортер из «Хрониклс» уже стоит наготове с диктофоном:

Стелла Лондон

Искусство и Любовь # 2

– Все очень впечатлены вашим пожертвованием, мистер Сент-Клэр.

Возгласы согласия и реплики типа «Восхитительный выбор, Сент-Клэр!» и «Это так живо!» доносятся от нескольких десятков окружающих нас человек, заморожено смотрящих на выбранные мной произведения искусства. Я обожаю эти картины,

поэтому

меня не должно удивлять, что и другим они нравятся. Но все же я вздыхаю с облегчением

и признательностью.

– Речь! – выкрикивает кто-то, и толпа затихает.

– Да, пожалуйста, – говорит представитель «Хрониклс». – Можете сказать пару слов о своем пожертвовании? Это, пожалуй, самая впечатляющая коллекция, которая будет висеть в такого рода общественном здании. Вас не беспокоит вопрос безопасности?

Сент-Клэр прочищает горло и обращается к залу.

– Вообще-то, выбор представленных тут сегодня картин принадлежит блестящему уму моего арт-консультанта Грэйс Беннет. Грэйс, пожалуйста. – Он делает жест,

передавая

мне право выступить.

Что? В голове не остается ни единой мысли. Я пробегаю глазами по обращенным на меня в ожидании лицам и не знаю, что сказать.

– Эм, – мычу я, начиная потеть. Сент-Клэр едва заметно кивает мне, ободряя. – Что ж, моя мама болела несколько лет назад, – медленно начинаю я, говоря от сердца, –

поэтому

я много времени проводила в больницах – в комнатах ожидания, сидя на креслах в

коридорах, в больничных палатах – и произведения искусства всегда были такими безжизненными. Я понимаю, предполагалось, что они должны успокаивать, но вместо этого навевали мысли о безысходности. Я всегда думала, что в больницах должно быть больше ярких красок, больше движения в искусстве, чтобы поднимать людям настроение,

– продолжаю я и внезапно понимаю, что не могу остановить поток слетающих с моих губ

слов. – Чтобы, когда сталкиваешься с самыми сложными мгновениями, служить напоминанием о красоте окружающего мира. Знаю, что в то время мне бы понравилось, если бы на стенах больницы я увидела такие вот картины. Надеюсь, и другие чувствуют то

же самое.

Раздаются аплодисменты, несколько человек кивают с пониманием, и Сент-Клэр кладет руку мне на плечо.

– Отлично сказано, – тихо произносит он. По его глазам я понимаю, что он говорит серьезно. – Именно поэтому я и нанял тебя, знаешь ли, – продолжает он, когда толпа расходится. – Ты воспринимаешь искусство как нечто обогащающее повседневность, а не

просто как предмет, висящий на стене, и объект восхищения на расстоянии. Я тобой горжусь.

От его слов я слегка краснею. Если бы мои ноги так сильно не болели от высоких каблучков, я бы почувствовала себя на седьмом небе. Я не подвела его на первом задании –

и, возможно, разнообразила жизнь людям, которые будут пользоваться этим крылом госпиталя. Это восхитительное чувство, и я знаю, что мама бы мной гордилась.

– Грэйс!

Я замираю, узнав этот голос. За секунду румянец сменяет бледность. Лидия Форбс, мой

бывший босс из ада, приближается в сопровождении высокомерной стажерки «Кэррингс» – Челси.

– Здравствуйте, Лидия, – говорю я вежливо. – Как вы?

– Я хорошо, но вы двое выглядите восхитительно! Мне безумно понравился твой выбор картин, Грэйс, – восхищается она.

Что?

Я слишком ошеломлена, чтобы произнести хоть слово, поэтому Сент-Клэр отвечает:

– Да, у нее отличный глаз. Я очень рад, что она согласилась работать на меня.

– Поздравляю, – говорит мне Лидия, а затем переносит внимание на Сент-Клэра: – Знаете, в связи со всей этой суматохой в «Кэррингс», возможно, я сама в скором времени буду свободна для новых возможностей. Если вам известно о каких-нибудь вакансиях...

Я сильнее стиснула челюсть, чтобы она не отвалилась и не покатилась по полу. Многомиллионная картина Сент-Клэра была украдена из «Кэррингс», будучи под наблюдением Лидии, а она крутится перед ним с просьбой о работе? Но Сент-Клэр спокоен, как обычно.

N.A.G. – Переводы книг

– Буду иметь в виду, – говорит он, передвигаясь так, чтобы оказаться вне ее досягаемости. – Но думаю, Грэйс заняла последнее место в моей команде экспертов. Челси начинает закатывать глаза, но одергивает себя, когда замечает, что я на нее смотрю.

– Я так рада за тебя! – явно наигранно говорит она. – С трудом верится, как далеко ты смогла зайти за такое короткое время! Ведь кажется, только вчера ты драила полы. Я допиваю свое шампанское:

– А все потому, что тебе неизвестно, к каким высотам может привести усердный труд. Сент-Клэр подавляет смехок.

– Давай посмотрим другие пожертвованные картины? – говорит он мне, протягивая руку. Я принимаю ее.

– Давай.

– Рад был повидаться, дамы, – бросает он через плечо, когда мы отходим.

Мимо проходит официант с канapé, и я вспоминаю, что последний раз, когда присутствовала на такого рода мероприятии, сама носила поднос с угощениями, запариваясь от раздаваемых мне Лидией приказов. Челси права, я прошла долгий путь.

Думая об этом, не могу сдержать улыбки.

– Что смешного? – раздается из ниоткуда мужской голос. Мы поворачиваемся. Перед нами стоит Ник Леннокс – агент Интерпола, который расследует кражу в «Кэррингерс».

Сент-Клэр вежливо протягивает руку.

– Леннокс. Не ожидал вас здесь увидеть. Надеюсь, в данный момент никто не «делает ноги» с какой-нибудь картиной.

– Нет, по крайней мере, пока. Но я неусыпно слежу. – Ник пожимает его руку. Он высокий, широкоплечий, и похоже, что ему привычнее быть в джинсах, чем в смокинге.

Мисс Беннет, – кивает он мне, – наслышан о вашей смене места работы.

– Благодарю, – говорю я, хотя не уверена, что это комплимент.

Сент-Клэр подхватывает бокал шампанского у проходящего мимо официанта и протягивает его Ленноксу. – Появились ли какие-нибудь зацепки в поиске моей картины? – спрашивает он. Вор исчез с бесценной картиной, которую Сент-Клэр только купил на аукционе, но до сих пор не нашли никаких следов преступника.

– Пока что никаких зацепок. Кем бы он ни был, это педантичный мужчина. – Леннокс одаривает Сент-Клэра оценивающим взглядом. Он наверно надеется, что тот не будет злиться или выражать нетерпение из-за того, что они пока не поймали грабителя.

– Или женщина, – выдаю я предположение. Они оба поворачивают головы в мою сторону с удивлением на лицах. – Мы же не знаем, что это именно мужчина, – пожимаю я плечами. – Вы же сами сказали, нет никаких зацепок.

– Она подловила вас, – посмеивается Сент-Клэр.

Леннокс медлит.

– Нет, это мужчина. Некто с большим запасом свободного времени, с невероятным эго, кто-то, привыкший действовать своими методами.

– То есть он профессионал, – говорит Сент-Клэр. – Это не сулит ничего хорошего ни

мне, ни моей картине.

– Верно, – медленно соглашается Леннокс, – это не предвещает вам ничего хорошего. В воздухе ощущается странное напряжение, и я задаюсь вопросом, не связывает ли их какая-то общая история. Может, Леннокс вовсе не рад, что приходится гоняться за всеми

этими произведениями искусства для их богатых владельцев. В любом случае мне не хочется застрять посреди не пойми чего.

– Прошу меня простить, – говорю я. – Схожу в дамскую комнату.

Я лавирую сквозь толпу и нахожу туалетные комнаты. Конечно же они совершенно новые, полностью отделаны отполированным мрамором. Только я захожу в кабинку, как в помещение, смеясь и болтая, заходит группа девушек. Среди них выделяется знакомый

голос. Челси.

– Она получила эту работу только потому, что трахает Сент-Клэра. Да уж, – говорит она. Я замираю в кабинке, кровь в жилах леденеет. – Хотя ее трудно винить. Этот парень

сладенький!

У меня сводит желудок. Они говорят обо мне.

– Откуда тебе знать? – спрашивает другая девушка.

Стелла Лондон

Искусство и Любовь # 2

– Ты видела ее резюме? Я тебя умоляю, – посмеивается Челси. – Никто не будет воспринимать эту девушку серьезно, как бы она ни расфуфырилась. Кроме того, Сент-Клэр такой плейбой. Не пройдет и недели, как он появится под ручку с какой-нибудь новой горячей девчонкой, а Золушка снова будет драить полы, где ей и место.

Мое лицо обдаёт жаром, а глаза начинает покалывать от слез, но я не шевелюсь.

– Она казалась милой, когда говорила о том, что в связи с болезнью матери посещала больницы, – отмечает другая девушка.

– Плевать, слезливая история, тьфу. Ей тут не место, и она скоро сама в этом удостоверится. В любом случае, вы видели, что надето на Фифи? ОМГ, разве это не убожество?

Беседа продолжается, но я вынуждена затаиться в кабинке, ожидая, пока дверь за ними не закроется.

Мне дурно. Конечно же Челси вела себя как ревнивая сука, но ее слова всколыхнули именно те страхи и опасения, которые я старалась игнорировать все это время.

Может и правда мне здесь не место. Возможно, никогда и не будет.

А то, что они сказали о Сент-Клэре... Я не наивна и понимаю, что на такого мужчину постоянно кидаются женщины, но слишком стремительно бросилась в романтику всего этого, чтобы задумываться о таком. Но если он плейбой – если он и впрямь каждую неделю меняет женщин – что это означает для нас? Или хуже того, что, если нет

никаких

«нас»?

Я возвращаюсь на вечеринку, стараясь не обращать внимания на свои сомнения. Затем

я вижу на другом конце зала Сент-Клэра: он очень близко стоит к женщине, которую я

не

узнаю. Она красивая и утонченная, с длинными белокурыми волосами, в потрясающем черном платье. Мне не слышно, о чем они говорят, но ясно, что она флиртует с

Чарльзом,

положив руку ему на грудь, слишком льнет к нему, смеясь вместе с ним.

Чувствую, как в груди зарождается ревность, но стараюсь подавить ее. Мы провели вместе лишь одну ночь. Мы даже не обсуждали, что это значило, если вообще что-то значило, и не похоже, что он мой бойфренд. Я не претендую на его внимание, но тем не менее, оттого что вижу их вместе, меня пронзает боль.

Я стараюсь совладать со своими чувствами. Мне нельзя становиться слишком эмоциональной – он мой босс. И он великолепен. На нем всегда будут виснуть женщины.

Мне нужно к этому привыкнуть. Он мне не принадлежит.

Пока я смотрю на них, Сент-Клэр вновь смеется. Женщина обнимает его, и весь мой контроль улетучивается. Права ли Нона, говоря не позволять сердцу брать надо мной вверх? Я так усердно работала, чтобы найти для себя место в мире искусства, и, что бы

ни

говорила Челси, только-только начинаю проявлять себя. Я не могу позволить своим чувствам уничтожить появившуюся возможность начать карьеру – как бы сильно я ни хотела Сент-Клэра.

Приоритеты, Грэйс.

Вместо того чтобы вернуться в его общество, я всячески стараюсь наладить связи весь оставшийся вечер: беседую с членами правления больницы, организаторами сбора пожертвований и прочими разряженными гостями. Сент-Клэр поддавливает меня,

когда

гости начинают потихоньку разъезжаться.

Его глаза – мечта художника, и мое решение сосредоточиться на деловой стороне наших отношений начинает испаряться, пока он выводит меня из вестибюля в прохладу ночного воздуха.

– Я буду счастлив, если ты согласишься, чтобы Артуро отвез тебя домой, – говорит он.

– Или мы могли бы отправиться ко мне, пропустить по стаканчику.

Он подносит мою руку к губам и целует костяшки пальцев. Его взгляд, искрящийся жаром и явным намеком, устремлен на меня.

– Эм, ну... – я ничего не могу поделать. Вот так просто меня практически пересиливает желание вернуться к нему домой. Мне хочется схватить и прижать его к себе,

пробежаться

пальцами по его волосам. Вновь исследовать каждый дюйм его тела.

Но я помню слова Челси – и то, как я чувствовала себя, когда видела его флирт с той женщиной. Я с трудом сглатываю.

17

N.A.G. – Переводы книг

– Полагаю, это не очень хорошая идея. Думаю, будет лучше, если на данном этапе мы, эм, поставим на паузу наш роман. Или что бы это ни было, – я отвожу взгляд, чувствуя, как румянец заливает щеки.

Он кажется разочарованным.

– О, – он опускает свою руку, не выпуская при этом мою. От ощущения жара его кожи моя воля практически тает. – Верно.

– На время, – говорю я неуклюже. – Ты же понимаешь, что будучи коллегами нужно вести себя профессионально, ведь верно?

Он отпускает мою руку.

– Да, конечно. Я прекрасно понимаю.

– Правда? – я чувствую одновременно облегчение и разочарование.

– Ты мудро поступаешь, разделяя бизнес и удовольствие. Полагаю, мне не очень удастся проводить между ними черту. – Он прочищает горло. – Но если все же ты когда-

нибудь решишь, что хочешь снова их смешать...

Я игриво хватаю его за предплечье, испытывая облегчение.

– Так между нами все в порядке?

– Лучше чем в порядке, – уверяет он. – Думаю, из нас получится великолепная команда. В профессиональном плане, конечно же.

Мы подходим к его машине.

– Пусть водитель отвезет тебя, а я возьму такси. – Отходя, он подмигивает, и в моей голове проскальзывает мысль: *«Бога ради, Грэйс, ты и впрямь позволишь этой прекрасной заднице уйти?»*

Он так здорово выглядит в свете уличных фонарей, что я задаюсь вопросом, какого черта отшиваю его.

– Увидимся в понедельник, суперзвезда, – говорит он и исчезает в ночи, прежде чем я успеваю передумать.

Иногда быть ответственной так кайфоломно.

Стелла Лондон

Искусство и Любовь # 2

Глава 4

Если я и была обеспокоена возникшей между нами неловкостью, мне не следует волноваться. Сент-Клэр всю неделю так занят деловыми встречами, что за исключением

быстрого кивка и улыбки в коридоре мы едва ли пересекаемся. К счастью, я так завалена

работой, что у меня совершенно нет времени, чтобы заикливаться на нашем неловком прощании посреди улицы после гала-приема в больнице, или на моем решении поставить

на паузу эти идеальные губы, тянущиеся ко мне для поцелуя, или на прижимающемся ко мне рельефном теле...погодите, зачем я вновь это делаю? Работа, Грэйс, помнишь? Не это

ли занятие ты искала всю свою сознательную жизнь? Ах, да, именно это.

Кроме того, у меня столько забот, что едва ли есть время на фантазии. Моя работа просто невероятная – даже лучше, чем я себе представляла. Я отслеживаю международные торги произведений искусства и слухи среди дилеров, разыскиваю

потенциальных клиентов, инвесторов и художников. Посещаю галереи и гаражные выставки, как делала с мамой, и засиживаюсь допоздна, просматривая сайты с последними новостями данной области, чтобы оставаться на гребне волны. Такое чувство,

будто меня бросили в воду в самой глубокой части бассейна, чтобы либо выплыть, либо утонуть, но мне безумно нравится, что Сент-Клэр верит, что я доберусь до бортика на другом конце. Уже довольно давно меня не заботило что-то так сильно, чтобы прилагать

столько усилий в попытке этого добиться, и, должна признать, я получаю удовольствие от

процесса. Даже ди Фиорес, поддерживая мой новый рабочий график, оставляли по вечерам посуду с теплой едой у моей двери и махали мне ручкой каждое утро, когда я отправлялась в свой офис. Если им и не хватает моих умений в качестве официантки, то я

об этом не слышала, и, надеюсь, никого не обижу, позволяя новой работе пожирать сейчас все мое время.

Моя новая ассистентка, Мэйси – подарок небес – помогает со всем, что мне нужно, как она и обещала. Я останавливаюсь у ее офиса – огромной роскошной зоны перед угловым

сьютом Сент-Клэра.

– Привет, Грэйс, – говорит она. – Ты нашла тот мейл от Портера?

– Да, вообще-то, я хотела спросить тебя об этом. Портер говорит, что у великолепного нового художника проводится выставка, и я думаю Сент-Клэру стоит инвестировать в этого парня, что означает... – Мэйси начинает снова печатать, по-прежнему глядя на меня, демонстрируя свою завидную многозадачность. – Извини, что докучаю тебе деталями. Мне просто нужно поговорить с ним. Есть ли время, когда он не занят? Мэйси дважды щелкает в своем компьютере.

– В его календаре на данный момент ничего нет. Я только вернулась с ланча, но он должен быть на месте. Ты можешь войти.

Я приглаживаю волосы и открываю тяжелую дверь в кабинет Сент-Клэра. Там я вижу Сент-Клэра, сидящего за столом...напротив сексуальной блондинки, с которой он болтал

на приеме. Она склонилась в своем кресле, открывая ему доступ к обозрению своего декольте, на котором и у меня непроизвольно остановился взгляд. Они оба смеются и не

замечают меня.

– Ой, простите, – говорю я в шоке, мои щеки краснеют. – Я не хотела мешать. Я начинаю разворачиваться, уперев взгляд в плюшевый ковер, и врезаюсь в кадку с пальмой. *Идиотка!* Стараюсь восстановить равновесие и собрать остатки моего достоинства, но голос Сент-Клэра окликает меня.

– Грэйс, подожди.

Подняв взгляд, вижу, что Сент-Клэр стоит у своего стола, подзывая меня ближе.

– Хочу познакомить тебя с Амандой Лейтон. – Женщина мне кивает. – Она журналистка, которая...

Он замолкает, и мой мозг заполняют миллионы выворачивающих меня наизнанку

предположений, в то время как я стою с прилепленной на лице улыбкой... *будет моей женой... сегодня вечером затрахает меня до беспамятства, так как ты отказала... является твоей заменой во всех отношениях.*

Аманда заканчивает за него:

- Боюсь, крадет все его время. Я пишу статью для Форбс о вашем боссе.
- Я старался увильнуть, но она очень убедительна, – улыбается Сент-Клэр.

19

N.A.G. – Переводы книг

Держу пари, так и есть.

Я все еще чувствую неловкость, будто помешала чему-то, чему не должна была.

- Тогда, пожалуй, возвращайтесь к вашему интервью.
- Нет, все хорошо. Мы уже закончили, – говорит он, в то время как Аманда берет свою сумочку.
- Была рада знакомству, – говорит она мне с удивительно искренней улыбкой. – Я хотела также сказать, что просто в восторге от вашего выбора картин для больничного крыла. Так смело.
- Эм, спасибо.

Обращаясь к Сент-Клэру она добавляет:

- Возьми трубку, если я позвоню по поводу возникших вопросов, ладно? Никаких больше телефонных кошек-мышек.
- Договорились, – отвечает он. Она целует его в щеку и выходит из кабинета, активно покачивая на ходу своей идеально упругой задницей. Сент-Клэр смотрит на меня и улыбается своей тихой улыбкой, одной из тех, которые не дано увидеть репортерам и камерам. – Так, что я могу для тебя сделать?

Мой желудок делает кувырок, но я напоминаю себе быть стойкой перед морем его обаяния.

- Это не займет много времени, я хотела поговорить с тобой о...
- Ты уже обедала? – перебивает он.
- Пока нет, но...

– Я едва ли видел тебя после гала-приема, – говорит он, потянувшись за своим пиджаком. – Давай перекусим сэндвичами. Сейчас в любом случае обеденный

перерыв, а

я хочу услышать обо всем, над чем ты в данное время работаешь.

Мое сердце тает. Вот тебе и держать себя в узде в офисе. Как я могу отказаться?

Сент-Клэр прихватывает еду из ларька и ведет меня в небольшой музей поблизости, который я никогда раньше не видела: он спрятан в особняке на боковой улочке, подальше

от остальных офисных зданий.

- Не думаю, что нас пустят... – начинаю я, глядя на огромные знаки, запрещающие проносить еду и напитки.
- Не волнуйся об этом. Здесь больше никого нет. – Сент-Клэр ведет меня к скамеечке в одном из демонстрационных залов.
- А как же охранники?
- Кто, Кевин? – Сент-Клэр подмигивает одетому в форму охраннику, тихо стоящему в

углу. – Я все время так делаю. Это одно из моих самых любимых мест для ланча. Умиротворяющее.

Я изучаю его.

– Ты не особо следуешь правилам, не так ли?

– Разве это весело? – улыбается он.

– А как насчет последствий? – спрашиваю я, думаю обо всех тех случаях, когда пыталась шалить и лишь попадала в неприятности.

– Если все время жить, думая обо всем плохом, что может случиться, то никогда не переступишь за порог собственного дома. Конечно, меня порой тянет испытать границы дозволенного, но я всегда это делаю умно. Осторожно.

– Я и не сомневаюсь, – смотрю на охранника, в то время как Сент-Клэр начинает разворачивать свой сэндвич. Кевин едва скользит по нам взглядом, так что я следую примеру Сент-Клэра. Бумага шуршит, отражаясь эхом от стен. Я чувствую легкое волнение, оттого что делаю что-то вопреки правилам, и не могу сдержать слабой улыбки.

– Ты плохо на меня влияешь, – поддразниваю я.

Сент-Клэр смеется.

– Мы еще сделаем из тебя рискованного человека.

– Именно так ты стал успешным? – любопытно спрашиваю я. – Нарушая правила?

– Возможно. Просто я вырос с невероятным количеством правил и ограничений. Все в моей семье и в школе желали, чтобы люди вписывались в милые маленькие коробочки с соответствующими ярлыками. Никому не разрешалось быть самим собой или отклоняться от своей колеи.

Стелла Лондон

Искусство и Любовь # 2

Я надкусываю свой сэндвич с индейкой и авокадо, ожидая, что еще он добавит, но, похоже, Сент-Клэр углубился в какие-то свои воспоминания. Его жизнь так отличается

от моей, это завораживает. Может, у меня и не было возможности провести со своей мамой

столько времени, сколько мне бы хотелось, но она всегда поощряла меня быть самой собой.

– Должно быть, было сложно.

Он медлит, но когда отвечает, его голос звучит тише.

– Так и было. Когда рос, я знал, что был разочарованием для семьи. Я не мог понять, зачем должен был делать то, чего они от меня ожидали. В мире было так много всего,

что мне хотелось бы увидеть, узнать. Это как если бы мне дали холст и набор масляных красок, а затем сказали, что ими можно рисовать только в черно-белых тонах, – добавляет он с печальной улыбкой. – Надолго меня не хватило. Как только я достиг позволенного возраста, переехал, чтобы жить самостоятельно.

Я улыбаюсь, надеясь разрядить атмосферу.

– Ну и как, получается?

Он тоже улыбается.

– Не так уж и плохо.

Некоторое время мы едим в тишине, хрустя чипсами и наслаждаясь легким журчанием фонтана во внутреннем дворике снаружи, прохладный морской воздух ласкает нашу кожу. Пряжка волос упала на глаза Сент-Клэра, и мне ужасно хочется потянуться и коснуться ее, провести пальцем по этим скульптурным скулам и прижать его губы к своим...

Будь профессионалом, не забыла? Я отворачиваюсь, чтобы посмотреть на окружающие

нас произведения искусства, эклектический микс. Сент-Клэр усадил нас перед полотном

Дюрера – детальном изображении кролика.¹⁰ Звучит как нечто простое, будто детская игра, но вообще-то оно такое насыщенное и плотное, будто смотришь через микроскоп

– каждая деталь идеально прорисована.

Сент-Клэр замечает, как я смотрю на картину.

– Тебе нравится то, что ты видишь?

– Я люблю работы Дюрера, особенно эти спокойные, менее известные полотна, – говорю я. – Мех выглядит совсем как настоящий.

Я в восторге.

– Ты знаешь происхождение этой картины?

– Ты уволишь меня, если я признаюсь, что нет?

Он смеется:

– На самом деле оно спорное. Эта картина, по слухам, была украдена нацистами, изъята у еврейской семьи в Париже.

– Как она оказалась в итоге тут?

– После многих лет смены владельцев богатая семья из России решила презентовать ее в качестве пожертвования.

Мои брови взметнулись вверх.

– А почему просто не вернуть истинным владельцам?

Он откидывается на скамейку и потирает подбородок.

– Это ужасная часть истории. Во время войны надписи к картинам часто терялись или уничтожались, и бесценные произведения искусства стоимостью в миллиарды долларов

были украдены у их полноправных владельцев. Некоторые из выживших семей пытались

вернуть себе свою собственность, но без этих надписей ничего невозможно доказать.

¹⁰ Альбрехт Дюрер (нем. Albrecht Dürer, 21 мая 1471, Нюрнберг — 6 апреля 1528, Нюрнберг) —

немецкий живописец и график, один из величайших мастеров западноевропейского Ренессанса.

Признан крупнейшим европейским мастером ксилографии (вид печатной графики, гравюра на

дереве, древнейшая техника гравирования по дереву или оттиск на бумаге, сделанный с такой

гравюры), поднявшим её на уровень настоящего искусства. Первый теоретик искусства среди североευропейских художников, автор практического руководства по изобразительному и декоративно-прикладному искусству на немецком языке, пропагандировавший необходимость разностороннего развития художников. Основоположник сравнительной антропометрии. Первый из европейских художников, написавший автобиографию.

21

N.A.G. – Переводы книг

– Это очень печально, – говорю я, чувствуя, как больно сжимается сердце. – Эти семьи потеряли так много. Самое меньшее, что они могут сделать – это получить назад свои произведения искусства.

– Совершенно с тобой согласен, – кивает Сент-Клэр. – А что на счет тебя, Грэйс? Как обстоят дела с твоим увлечением живописью?

Я чуть встрепелась, и он выглядит сконфуженным.

– Ты училась на художника, не так ли?

– Да, но я никогда не была достаточно хороша, чтобы где-либо показывать свои работы, – отмахиваюсь я. – К тому же, я не рисовала уже целую вечность.

– Почему?

Я вздрагиваю при мысли о боли, которая возникает в моем сердце каждый раз, как я беру в руки кисть.

– С тех пор как умерла моя мама, я больше не чувствовала той искры. Это слишком тяжело.

– А ты пыталась? – слегка настаивает он.

Я пожимаю плечами.

– Я по-прежнему делаю зарисовки, но каждый раз, оказавшись перед чистым холстом с кистями, которые принадлежали моей маме... просто замираю. – Я занимаю руки тем, что убираю с одежды крошки от сэндвича, испытывая неловкость, что призналась в

чем-

то настолько личном.

Он тянется и берет меня за руки:

– Ты будешь снова рисовать, Грэйс. Истинная страсть, как у твоей мамы, как у тебя, никогда полностью не исчезает.

Я поднимаю на него глаза.

– Ты уверен? – шепчу я, отчаянно надеясь, что его слова окажутся правдой.

Он потирает большим пальцем мою ладонь:

– Нужно время. Когда будешь готова, твоя муза вернется. Поверь мне.

Я сглатываю неожиданно подступившие к горлу сентиментальные слезы:

– Спасибо.

Его телефон вибрирует, разрушая момент. Он смотрит на экран.

– Сейчас вернусь, – говорит он и выходит в коридор.

Я убираю за нами остатки ланча и выбрасываю все в мусорную корзину рядом с охранником, который едва ли обращает на меня внимание. Полагаю, Сент-Клэр и

впрямь

постоянно так делает. Я брожу по залу, изучая работы, цвета и тени. Поближе рассматриваю нос кролика – это на самом деле невероятно – и понимаю, как сильно

мне

самой хочется приступить к созданию собственной картины. Я скучаю по своему искусству. Думаю, мне это необходимо.

Творческое самовыражение – это часть того, кто я есть, и мне радостно, что Сент-Клэр напоминает мне об этом.

На следующее утро я вишу на телефоне, ожидая возможности поговорить с менеджером нелюдимого художника о встрече, которую уже несколько дней пытаюсь устроить, а Мэйси без умолку болтает о каком-то ограблении.

– Они не знают, кто и как это сделал. Все очень загадочно, – говорит Мэйси, роняя мне на стол кипу бумаг. Я рассеяно киваю, думая о том, как сильно мне хочется заключить эксклюзивный контракт с этим художником. – Это во всех газетах, особенно после

фиаско

«Кэррингерс».

– Создается впечатление, что это серия, не так ли? – говорю я, гадая, с чего вдруг возник такой интерес к искусству со стороны криминального сообщества.

– Это как «Одиннадцать друзей Оушена»! – хихикает Мэйси.

В этот момент на линии вновь раздается голос менеджера:

– Мисс Беннет?

– Да, я слушаю, – отвечаю ему. Мэйси поднимает вверх большие пальцы и уходит.

Пару минут спустя я уже стучу в дверь кабинета Сент-Клэра, горя от нетерпения рассказать ему о встрече с художником-затворником, только что организованной мною, что просто свалит его с ног.

Стелла Лондон

Искусство и Любовь # 2

– Нам нужно посетить его студию на следующей неделе, – говорю я радостно. – Он почти не позволяет увидеть коллекционерам свои текущие работы, думаю, это могло бы привести вас к отличным партнерским отношениям.

Сент-Клэр кажется отвлеченным, складывая бумаги в свой портфель.

– Боюсь, что с этим придется подождать. Завтра я улетаю в Лондон и буду отсутствовать месяц.

Месяц?

– Ой. – Не могу себе представить, что не увижу его месяц, но стараюсь не подавать виду. – Ладно, что ж, ты бы не мог подписать эти формы релиза для новой покупки и утвердить...

– Не думаю, что такой вариант тоже сработает. – На его губах играет странная улыбка.

– Ладно... – Я стою, замерев от растерянности. Что происходит? – Почему нет?

На какую-то ужасную долю секунды я задаюсь вопросом, не решил ли он в конце концов меня уволить. Затем Сент-Клэр расплывается в широкой улыбке.

– Потому что ты поедешь со мной.

Глава 5

После бурной недели сборов и составления списка распоряжений, я спускаюсь по трапу

самолета в Лондоне, все еще не в силах поверить в происходящее. Я в Европе!

Я так взволнована, что почти подпрыгиваю от нетерпения, когда мы маневрируем сквозь толпу в здании аэропорта Хитроу и нас подбирает машина с водителем Сент-Клэра. Чарльз спокойно сидит рядом на сиденье, проверяя телефон, в то время как я верчу головой во все стороны, подмечая туристические достопримечательности, о которых лишь читала.

– Посмотри, там Биг-Бен! – восклицаю я, когда мы проезжаем мимо знаменитой башни. – И Вестминстерское Аббатство!

Сент-Клэр улыбается, развеселившись.

– Радуйся, что жители Лондона сейчас не видят или слышат тебя. Они бы нещадно высмеяли тебя за то, что ведешь себя так по-американски.

Я смеюсь.

– Прости, я старалась изображать безразличие и не проявляла эмоции всю дорогу, разве нет? Ведь я не каждый день летаю первым классом.

Считай, никогда не летала.

– И впрямь, не проявляла эмоции, – ухмыляется он, поддразнивая. – Весь самолет слышал твой визг, когда они принесли послеобеденный чай.

– Но он был с булочками и густыми топлеными сливками и разлит в чашки из настоящего китайского фарфора! – протестую я. – Знаю, что неискушенная, ведь я никогда не путешествовала за границу. Но так давно этого хотела. – Я смотрю в окна на старинные кирпичные здания, каменные фонтаны, украшенные скульптурами,

мощеные

дороги, реку Темзу и ее древние воды. – Здесь так много истории.

– Это великий город, – соглашается он. – И у тебя будет достаточно времени, чтобы его исследовать.

– Даже не знаю. У меня очень строгий босс.

– Не волнуйся, – улыбается он. – Я позабочусь, чтобы этот придурок не сильно загружал тебя работой.

Мы останавливаемся на светофоре перед Букингемским дворцом, его великолепный фасад тянется на несколько кварталов.

– Вау, королевская стража и правда стоит по стойке смирно, словно статуи. Правда,

что

если даже им докучать, они все равно не имеют права пошевелиться или заговорить? Сент-Клэр смеется.

– Что? – говорю я, застыв.

– Давненько я не приезжал сюда с кем-то, для кого все тут в новинку, как для тебя.

Мы въезжаем в Ноттинг Хилл – который я узнаю по фильму с участием Джулии

Робертс – и я охаю и ахаю, видя милые цветные здания, перед одним из которых мы в итоге останавливаемся. Мне не удается убрать с лица широченную улыбку, но я

старюсь

не быть бесцеремонной. – Мы здесь по делу, мистер Сент-Клэр?

Он выходит из машины, и я следую его примеру. Передо мной кафе с вынесенными на

улицу столиками, художники проезжают мимо на велосипедах, повсюду маленькие магазинчики и восхитительное оживление, прямо как в фильме.

– Это твой дом вдали от дома. – Он указывает жестом на здание с ярко-голубой штукатуркой и ящичками с цветами на окнах, а с крыльца на нас смотрит кошка.

Я ахаю:

– Правда?

Сент-Клэр улыбается, его ямочки выбивают меня из равновесия. Боже, он восхитителен.

– Номер три с левой стороны. – Он передает мне связку ключей. – Она принадлежит другу друга, которого сейчас нет в городе. Я подумал, что квартира и район тебе подойдут.

Так у тебя будет свое собственное пространство, чтобы по-настоящему узнать город.

– Спасибо, – выдыхаю я.

Не в силах сдержаться, я обнимаю его. Он поначалу колеблется, но затем обнимает меня в полную силу, и наши тела прижимаются друг к другу. Вдыхаю аромат его одеколona, скольжу руками по его мускулистым плечам, чувствуя, как в моей груди

Стелла Лондон

Искусство и Любовь # 2

разгорается жар, который начинает опускаться ниже, поэтому я выпускаю Чарльза из объятий.

– Как ты себя чувствуешь? – спрашивает он. – Тебе надо немного успокоиться, отдохнуть, прежде чем на тебя подействует смена часовых поясов.

– Я в порядке. – Пробегаю взглядом по симпатичной небольшой верандочке, деревьям черешни и разноцветным тентам кафе. – Я более чем в порядке. Я в Лондоне! – Широко раскидываю в стороны руки. – Давай начнем.

– Ладно, ладно, Кролик-Энерджайзер, – смеется Сент-Клэр. – Я пришлю тебе смс-ку с адресом, по которому ты сможешь меня найти через пару часов. – Он подает знак водителю, тот достает мой чемодан из багажника и относит его по ступенькам к парадной

двери. – Иди, располагайся пока. Позже увидимся.

Он возвращается к машине.

– Чарльз? – окликаю его. – Правда, спасибо тебе, – снова повторяю я. – Это все невероятно.

– Еще рано меня благодарить, – отвечает он, садясь в машину. – Мы *здесь* по-прежнему по делам. – Он подмигивает мне и закрывает дверцу.

Интерьер квартиры – мечта художника. Она светлая, воздушная и просторная, повсюду элементы, придающие помещению уют: мягкие накидки на удобном диванчике,

набор чая, веером разложенный на симпатичной тарелке, и целая стена со светлыми полками, уставленными маленькими статуэтками и декоративными вазочками.

В спальне большая двуспальная кровать с пушистым одеялом, в углу пристроился маленький письменный стол с чернильницей и гусиным пером. Я быстро распаковываю свои вещи и убираю их в небольшой шкаф, после чего отправляюсь в ванную. Там установлена настоящая белая фарфоровая ванна на ножках и кувшин лавандовой соли.

Не могу дождаться, когда она наполнится водой и я смогу хорошенько расслабиться в ней

и отдохнуть.

Хотя Сент-Клэр и предупредил меня о десинхронозе, 11 мне не хочется терять время, сидя в четырех стенах. Решаю прогуляться и познакомиться поближе с культурой. Я прогуливаюсь вдоль трехполосных улиц, мимо магазинчиков винтажной одежды с красивыми витринами с платьями и туфлями, мимо уютных кафе с металлическими раскладными стульями, расставленными прямо перед ними на улице. Чувствую себя будто в сказке. Я и впрямь тут! Даже если это всего лишь на время, это мечта, которую

я считала несбыточной. *Мамочка, надеюсь, ты это видишь.*

Пару часов спустя, освежившись и переодевшись, перекусив половинкой багета и яблоком, я стою в вестибюле здания Лондонского колледжа изобразительных искусств

и жду, когда Сент-Клэр выйдет со встречи с профессорами колледжа. В центре зала размещен стенд со студенческими арт-инсталляциями – очень приятно видеть, что студентам позволяют развивать свою креативность. Я помню, что рискнуть намного проще, когда чувствуешь, что подстрахуют и что не последует негативный отклик реального мира. Я скучаю по ощущению полета, когда ты так вдохновлен, что просто прыгаешь и веришь, что приземлишься именно там, где тебе и следует быть.

– Грэйс? – Сент-Клэр стоит у моего локтя. – Прости, что так долго. Мы обсуждали окончательные детали показа, а как ты знаешь, художники могут быть... обстоятельными.

Я смеюсь.

– Очень дипломатично с твоей стороны. А что за показ? – Я достаю свой блокнот и ручку, как репортер, чему научилась у Пэйдж, которая всегда говорит, что ее заметки – это ее спасители.

– Точно, – говорит Сент-Клэр, качая головой будто сам себе не может поверить. – Прости еще раз. Я ведь даже не сказал тебе, чем ты будешь тут заниматься, верно?

– В детали не вдавался, – признаю я.

– Моя компания является спонсором выпускного шоу в этом колледже. Это целое событие с огромным приемом, на котором будет присутствовать пресса и все значимые

11 Синдром смены часовых поясов.

25

N.A.G. – Переводы книг

лица индустрии. Это большая честь для студентов, избранных, чтобы представить свои финальные работы.

Я киваю.

– Уверена, с этого может начаться их карьера. Измениться жизнь.

– Так и есть, поэтому профессора всегда приглашают бесстрастного стороннего судью, – соглашается он.

– Это важная задача, – говорю я, полагая, что он должен просмотреть сотни портфолио. – Хочешь, чтобы я прошерстила для тебя первый тур?

Он усмехается.

– Хочу, чтобы ты выбрала лауреатов.

Я прикусываю язык, прежде чем ляпнуть, как дебилка: «Кто? Я?».

– Ты уверен? Ведь не так давно я сама была студенткой.

Он ведет меня по коридору.

– Хочу показать тебе кое-что.

Мы останавливаемся перед залом-студией, и я заглядываю через стекло большого окна. Там пять мольбертов, и за каждым стоит сконцентрировавшийся на работе художник. Профессор ходит по комнате, делает критические замечания, тыкает пальцами

на некоторых ребят, а также дико и размашисто жестикулирует руками в сторону других.

В воздухе явно ощущается запах краски и недавно натянутого холста. Я делаю глубокий вдох, впуская нахлынувшие воспоминания о занятиях и днях проведенных с кистью, подвластной велению моей руки.

– Это возвращает меня в прошлое.

– Именно, – говорит Сент-Клэр. Он указывает на студентов, которые не обращают на нас никакого внимания, будучи в кураже. – Ты знаешь, как много это будет значить для этих студентов, и у тебя нет скрытых мотивов или политической выгоды, поэтому ты идеальный человек, чтобы выбрать победителей.

– Но кто может сказать, что на самом деле лучшее? – спрашиваю я нервно.

Он приподнимает брови.

– Вообще-то ты, будучи прежде всего моим арт-консультантом. Это часть твоей работы.

Я хмурюсь.

– Ты же понимаешь, что я имею в виду, верно? Искусство так субъективно – почему мое мнение должно иметь больше значения, чем чье-то другое?

– Потому что так и есть. – Сент-Клэр смотрит на меня. – У тебя дар видеть глубинные эмоции картины. Поэтому я тебя нанял. Твое мнение значит больше, чем чье-либо.

Я должна отвести взгляд.

Перевожу его на студентов за работой: их лица сосредоточены, кисти опускаются и поднимаются от холста к палитре. Я думаю о том, какие возможности у меня бы были, если бы я смогла закончить обучение в престижном колледже на Восточном побережье, в

котором встретила Пэйдж. Что бы означала для меня такого рода награда.

– Чья-то жизнь драматическим образом изменится после этого, – говорю ему. Не так, как моя недавно. Вселенная забавно порой поступает, давая нам желаемое только после

того, как мы сдаемся и теряем надежду. Может, это потому, что именно в тот момент мы наконец-то готовы и хотим рискнуть.

– Просто следуй своим инстинктам, – заверяет он.

Мы возвращаемся к центральному входу, но на меня будто скоростной поезд наваливается усталость, неожиданно я осознаю, что слишком утомлена, чтобы стоять.

Я

слегка покачиваюсь, и Сент-Клэр придерживает меня.

– Ты в порядке?

– Думаю, мне надо прилечь.

Он мягко посмеивается.

– Я же тебе говорил, реакция на смену поясов – это не смешно. – Он подхватывает меня за талию. – А вот я в качестве системы стабилизации – это смешно.

– Ха-ха, – говорю я, но он практически вынужден меня нести, когда мы выходим из здания. – Мне жаль, что тебе приходится так заморачиваться из-за меня.

– Вовсе нет, – говорит этот вечный джентльмен. – Давай отвезем тебя назад в квартиру, чтобы ты могла поспать. У нас есть достаточно времени, так что завтра

отдохни

и приходи в себя.

Стелла Лондон

Искусство и Любовь # 2

– Спасибо, – бормочу я. Целый день на знакомство с городом! Мой утомленный мозг уже обдумывает варианты, поэтому мне и впрямь лучше воспользоваться представившейся возможностью отдохнуть.

27

N.A.G. – Переводы книг

Глава 6

Я сплю мертвым сном пятнадцать часов подряд. Сент-Клэр был прав, говоря, что влияние смены часовых поясов – это не шутка, но просыпаюсь отдохнувшей и бодрой, готовой исследовать окружающий мир. А как может быть иначе? Я в Лондоне: международном центре искусства и культуры – и сексуального акцента. Хотя акцент Сент-Клэра по-прежнему мой самый любимый.

Пишу сообщение Пэйдж: *«Я приехала, любимка! Хочешь вместе пообедаем сегодня?»*

Сделав себе чай и попивая его, смотрю, как свет играет оранжевым и розовым цветом на домах, утреннее солнце отражается в их белой отделке и лепнине. Пэйдж отвечает: *«ОМГ, да!!! Встречаемся на рынке Ковент-Гарден. В два?»*

Уточняю: *«Инструкции, как туда добраться?»*

«На метро, – приходит ответ, – остановка «Ковент-Гарден». С нетерпением жду встречи!»

Грудь сжимает. Мы так давно не виделись. « Я ТОЖЕ».

Я принимаю душ и переодеваюсь в повседневное платье – Лондон, как правило, более разряженный, чем Сан-Франциско, но все же сейчас середина буднего дня – и выхожу

на

улицу, ощущая себя так, как всегда представляла себе жизнь за границей: роскошно, захватывающе, немного пугающе. Все вокруг в новинку, но от этого лишь увлекательней,

и я тоже чувствую себя совершенно другой.

Я спускаюсь в метро под большим красно-белым круглым значком, выясняю, как купить билет и прохожу турникет. Фотографирую знак «Не прислоняться» для Фреда, который хочет, чтобы когда-нибудь это было нарисовано на его кухонной стене. Поезд

в

метро Лондона кажется намного чище, чем в Сан-Франциско, и движется он быстрее, хотя особо не на что смотреть, ведь это подземка.

Я выхожу на остановке «Ковент-Гарден» и оказываюсь в узком лабиринте старых мощеных улочек. Здесь магазинчики ютятся в старинных зданиях, а тонны туристов наблюдают за уличными представлениями вдоль обочины дороги.

Сориентировавшись, направляюсь вниз по склону к закрытому рынку с продуктовыми и ремесленными лавочками, продавцами и покупателями, мельтешащими словно косяк рыб. Замечаю Пэйдж, сидящую в кафе прямо в торце рынка. Я ускоряю темп, и, увидев меня, она подскакивает из-за стола.

– Грэйси!

– Пэйджи!

Мы визжим и обнимаемся, потом отступаем на шаг друг от друга, чтобы хорошенько рассмотреть, а затем вновь обнимаемся.

– Как же давно это было, – говорю я и начинаю плакать, чувствуя себя глупо.

– Знаю! – говорит она. – Я так сильно по тебе скучала!

– Я тоже. – Мы снова обнимаемся, но тут я замечаю, что кое-кто из посетителей кафе хмурится. – Ладно, ладно, люди начинают пялиться, – говорю я, ослабляя хватку.

– Да пошли они, – отвечает она, но без споров садится за столик. – Британцы немного странно относятся к проявлению эмоций на публике, – признает она.

Я сажусь на стул напротив нее.

– Ты выглядишь восхитительно!

– Из-за массы работы даже нет нужды сидеть на диете, – шутит Пэйдж. – И ты тоже!

– Спасибо, – говорю я, расслабляясь. – Хотя я точно не на диете. Умираю от голода.

Что закажем?

Пэйдж приподнимает серебряный чайничек:

– Английский чай на завтрак? Если собираешься здесь жить, то лучше пить чай как лондонцы.

– Конечно, – обычно я предпочитаю травяные чаи, но когда ты в Риме, или, э-э, в Англии, верно?

– Стоит добавить сливки и сахар. – Она разливает темно-коричневую жидкость по белоснежным блестящим чашкам. – Я также заказала для тебя яйца бенедикт. Они

ведь

по-прежнему твои любимые?

– Ты самая лучшая.

– Знаю. – Улыбается Пэйдж, ее полные пухлые губы растягиваются в великолепной улыбке, которая разбила немало мужских сердец в колледже. – Однако, к несчастью, Стелла Лондон

Искусство и Любовь # 2

похоже, даже мне не по силам взломать код этого чертового грабителя произведений искусства.

– По-прежнему никаких следов картины Рубенса? – Я добавляю в чашку сахар и немного сливок. – Прошел почти месяц.

– Этот парень из Интерпола, Леннокс, думает, что оно связано с новым ограблением музея в Сан-Франциско, но мне кажется это холодный след. – Она качает головой.

– Ой, я слышала об этом. – Это тот музей, в который Сент-Клэр отвел меня на наш спонтанный пикник с сэндвичами. Мы даже прошли мимо украденной картины. –

Интересно, кому понадобилось красть эти картины – для чего? Не было никаких

отчетов

о продажах на черном рынке, также не было никаких звонков или писем, которые логично было ожидать, если воры не стараются сбыть картины... так зачем кому-то копить все эти произведения искусства?

– Мы понятия не имеем, в этом-то и проблема, – вздыхает Пэйдж. – Нет никакой связи между кражами – никакой схожести по времени суток или манере поведения, сами

по себе картины из разных периодов, так же как художники и их происхождение. Он также не оставил даже малейших реальных улик. Это ставит в тупик.

– Будто загадка.

– Разве что эта кажется неразрешимой, и я не собираюсь становиться одной из тех героинь телевизионных драм, которая посвящает всю свою жизнь и помыслы – не говоря

уже о фигуре – тому, чтобы пялиться на какое-то дело, которое она не может разгадать, –

усмехается Пэйдж.

– Но тебе разве не нравится преследование и поиск? – Знаю, что нравится, во всяком случае она любит преследовать всех мужчин, на которых упадет ее взгляд.

– Да, я люблю преследовать, но мне также нравится и ловить. Знаешь ли ты, как приятно поймать задиристого инвестора, подавшего ложный иск или раскрыть чье-то мошенничество? – глаза Пэйдж загораются.

Я смеюсь.

– Ты как Грязный Гарри среди страховщиков.

– Чертовски верно! – улыбается она. – Но этот вор слишком хорош, в отличие от копов. Улики затоптаны, след становится холодным, и мне это начинает наскучивать. –

Она делает глоток своего чая. – Надеюсь, они дадут мне что-то еще для работы.

Официант приносит наш заказ, все очень вкусно пахнет. Я приступаю к еде, когда Пэйдж произносит:

– А знаешь, что не скучно? – Я стону. – Верно – твои сексуальные шалости с горячим миллиардером. Давай, выкладывай подробности, подруга!

Я сглатываю, набив перед этим полный рот божественного голландского соуса.

– Вообще-то, особо нечего рассказывать. Я сказала ему, что хочу держать все в профессиональных рамках, и он уважает это.

– Только в профессиональных? *Я тебя умоляю.* – Взгляд Пэйдж полон скепсиса. – Ты вдруг можешь стать просто сотрудницей? Как это, по-твоему, получится?

– Он мой босс, Пэйдж. Мне хочется заслужить его уважение, а не профукать эту возможность начать карьеру.

– Это «профукивание» и помогает тебе сохранить работу, детка, – смеется она.

– Хаха, – я закатываю глаза. – Серьезно. Это важно для меня. Мне хочется сделать все правильно. – Я чувствую себя немного отсталой от жизни, но Пэйдж знает, как я боролась, чтобы добиться этого, какие препятствия мне пришлось преодолеть ради

этой

возможности.

– Я понимаю, Грэйс, правда.

Делаю еще один глоток чая, с удивлением осознав, что он мне нравится, и еле

сдерживаюсь, чтобы не фыркнуть им, когда Пэйдж произносит:

– Но, господи боже, какая же у него задница!

Мы начинаем хихикать, как в старые добрые времена, будто сидим в своих пижамах, поедаем попкорн и смотрим телеканал «Нетфликс».

– Это определенно отвлекает, – признаю я. – Я стараюсь хорошо выполнять свои функции, концентрироваться на работе... но я никогда раньше не встречала такого мужчину, как он.

– Ты имеешь в виду сексуального, богатого и чертовски очаровательного?

29

N.A.G. – Переводы книг

– Именно! – Я вспоминаю, как он поощрял мое творчество и говорил, что моя страсть творить вернется, о том как отвез меня в мои апартаменты, когда на меня накатилла реакция на смену часовых поясов. – И милый, и добрый, и щедрый...

– Ух ты, – говорит Пэйдж, потянувшись через стол и дотронувшись ладонью до моего лба. – Кто-то заболел.

Я отбрасываю ее руку.

– Это вовсе не лихорадка, а неуместная влюбленность. Помнишь того помощника учителя антропологии, с которым ты встречалась?

– Карл, – она морщится от отвращения, а я смеюсь.

– Карл!

– Мы были лишь на трех свиданиях, – говорит она.

Я гримасничаю.

– Он ужасно наследил на нашем ковре.

Она тычет в меня.

– А как же Роман?

– О, Боже, – я закрываю лицо руками в смущении.

– Разве не он спросил о тройничке на первом свидании?

– Да, с тобой.

Пэйдж смеется.

– Верно!

– Он был так удивлен, когда я сказала «нет». – Мы обе взрываемся хохотом, даже удивительно, что они не просят нас уйти, ведь мы такие шумные.

– Я скучала по этому, – говорит Пэйдж, когда мы уже еле дышим, обессилев от беспричинного смеха. – Так здорово видеть тебя воочию.

– Я тоже рада. Очень сильно. С нетерпением теперь жду частых встреч.

– Как же я тебя понимаю, – говорит она, и на нас накатывает очередной приступ смеха. После ланча Пейдж возвращается к работе, а я прогуливаюсь по окрестностям, просто впитывая окружающий мир. Затем замечаю на телефоне мейл от Мэйси, по-прежнему умудряющейся быть полезной, даже из-за океана: «Вот портфолио студентов». Мне не терпится приступить к просмотру.

Я стою перед восхитительным парком – зеленые просторы, как на полях для гольфа, и маленький пруд в центре – и решаю, что прекрасная пасторальная атмосфера вроде

этой

может помочь немного уменьшить давление от предстоящего мне выбора. Возможно.

По

крайней мере, парк был красивым, а я никогда не могла отвернуться от чего-то прекрасного.

Я иду по грунтовой дорожке к пруду. Матери прогуливаются с детскими колясками, а женщины постарше – с крошечными собачками, мимо белых металлических скамеечек и небольших деревьев с распустившимися на них розовыми и оранжевыми цветами. Я сажусь на скамеечку и достаю из сумки свой таб, чтобы получше видеть картины. Наклоняю экран так, что на него попадает тень от деревьев, и приступаю к работе. Выпускников всего двести пятьдесят, но я могу выбрать только десять финальных проектов. Десять студентов, чья карьера потенциально может взлететь до стратосферы.

Эта награда меняет жизнь, и я чувствую, что нахожусь не в том положении, чтобы влиять

на судьбы людей. Всего несколько недель назад я была в их шкуре, претендуя на стажировку в условиях жесткой конкуренции и надеясь, что приемная комиссия заметит

мои таланты, что смогу показать им, чего я стою.

Мой телефон пискнул. Сент-Клэр написал сообщение: *«Тебя все еще штормит? Сможешь сегодня пойти на ужин?»*

Я улыбаюсь и печатаю в ответ: *«Да! Хотя мои ноги не дают никаких гарантий»*.

Нажимаю «Отправить», и осознаю, насколько двусмысленно это прозвучало. Дерьмо! Был ли это перебор, я пересекла черту, отделявшую мило флиртующую девушку от отчаянной барной шлюшки?

«Заеду за тобой в 8». Он ставит в конце фразы подмигивающий смайлик, и хотя я знаю, что это глупо и тянет на уровень средней школы, но тихонько взвизгиваю, прижимая телефон в груди, несмотря на то что нахожусь на людях. И более того, в Англии, где публичное выражение эмоций, как правило, вызывает неодобрение. Мне плевать. Я в нетерпении.

Стелла Лондон

Искусство и Любовь # 2

Глава 7

Сент-Клэр открывает передо мной дверцу машины, и я ступаю на улицу, заполненную пульсирующими огнями и оживленно болтающими и выпивающими после работы людьми.

– Добро пожаловать в Сохо, – говорит он, в то время как я стою слегка ошарашенная, пока мои глаза привыкают к шквалу цветов. – Не волнуйся, ресторан не будет таким ярким.

Он ведет меня мимо дверей клуба, вибрирующего танцевальной музыкой, и нескольких баров, заполненных смеющимися и развлекающимися посетителями. Они не

похожи на места, которые соответствуют типу Сент-Клэра, но несколько человек окликают его с веранд баров, а одна женщина машет ему и бесцеремонно одаривает меня

оценивающим взглядом.

– А ты популярен.

– Приходится, – пожимает он плечами.

Интересно, много ли ему приходится ходить на вечеринки, если он все еще этим занимается. И Пэйдж, и Челси называли его плейбоем – неужели я всего лишь его очередная игрушка? Пропадет ли когда-нибудь это беспокойство?

Мы сворачиваем в переулок, и уровень шума неожиданно уменьшается на несколько децибел. Простой кирпичный фасад с металлической дверью и светящиеся лампочками

название «У Тони» – единственные признаки того, что здесь вообще что-то есть, но как только мы оказываемся внутри, я сразу же вижу привлекательность этого места.

Тут изобилует утонченная элегантность; теперь это больше соответствует стилю Сент-Клэра – по крайней мере того Сент-Клэра, которого я знаю. Длинные белые скатерти накинута на маленькие столики, освещенные свечами. Начищенные до блеска деревянные балки украшают сводчатый потолок над нами, а стены со вкусом украшены большими черно-белыми фотографиями Лондона различных времен.

– Тут лучшие стейки в городе, – говорит он, когда к нам подходит метрдотель. Нас провожают к уютному приватному угловому столику. Мы устраиваемся на кожаных сиденьях и оказываемся в итоге ближе друг к другу, чем планировалось, но ни один из нас не отодвигается.

– «Кот дю Рон» 1983 года, пожалуйста, – говорит Сент-Клэр официанту, заказывая нам бутылку вина, о стоимости которого я даже не хочу думать.

– Очень хорошо, мистер Сент-Клэр, – одобрительно говорит наш официант, спеша удалиться, чтобы принести нам заказанную бутылку.

– Тебя все тут знают, – вновь отмечаю я.

Он пожимает плечами, разворачивая салфетку на своих коленях.

– Я тут родился.

– А когда ты переехал в Штаты? – спрашиваю я, гадая, что побудило его уехать. – Ты не скучаешь по здешним местам?

– По стране – конечно. Что касается близости к моей семье – не очень. – Нам приносят вино, официант наливает немного Сент-Клэру для дегустации и после одобрения вновь исчезает, а Сент-Клэр наполняет наши бокалы. – Ты просмотрела портфолио тех студентов?

– Я полагала, что у меня сегодня облегченный день, разве нет? – поддразниваю я.

Он посмеивается, но могу с уверенностью сказать, что это ему важно.

– Конечно. Просто та Грэйс Беннет, которую я знаю, не смогла бы удержаться и не глянуть хоть глазком.

– Так и есть, – признаю я. – И мне действительно понравилось то, что я успела увидеть. Но все же чувствую легкий дурман от этой неожиданной власти. Это давление немного тяготит.

Он протягивает в мою сторону свой бокал.

– Сливки всегда поднимаются вверх, Грэйс. Таланту необходимо время, чтобы созреть, как хорошему вину, и возможно, сейчас не наступит чье-то время засиять, но это

не означает, что этого не произойдет в итоге, – кивает он. – Просто выбери картину, которая будет говорить с тобой, которая покажется наиболее перспективной.

– А как же те, чья уверенность в себе пошатнется, и они сдадутся?

Он внимательно смотрит на меня, прежде чем ответить, слишком хорошо меня зная и понимая, что отчасти я говорю и о себе.

– Неудача может сбить тебя с ног или же стимулировать усерднее добиваться успеха. Все зависит от того, как ты на это смотришь. – Он проводит рукой по своим волосам. – Когда я впервые взял на себя управление компанией отца, то совершил колоссальную ошибку. Не буду утомлять тебя деталями, но неудачная сделка стоила компании миллионы и еще больше миллионов от потери этого клиента. – Он морщится. – Об этом все еще больно говорить.

– У меня случается истерика, когда я теряю двадцатку, – говорю я, и он смеется.

– Это было много двадцаток. Но в итоге это сделало меня сильнее и лучше. Больше я не был дерзким и начал трижды перепроверять каждый свой шаг, прежде чем его совершить, и это придало мне решимости. Мне нужно было доказать этим финансовым засранцам, что я заслуживаю эту должность не только из-за своего имени.

Я впечатлена:

– Не каждый на твоём месте работал бы так усердно, как ты.

– Я никогда не хотел пользоваться своей фамилией. Мне хотелось создать собственную репутацию.

Он совсем не похож на Челси и ей подобных в его мире – он мог бы быть просто еще одним испорченным парнишкой с трастовым фондом, но избрал иной путь. И это одна

из

тех вещей, которые мне в нем нравятся.

– Ты проделал невероятную работу.

– Я всегда могу сделать больше. Именно поэтому я помогаю с церемонией выпускников, отдавая дань этим студентам. Хочу посодействовать новому поколению творческих людей реализовать свои мечты.

– Ты как патрон и покровитель искусств из эпохи Ренессанса. Современная версия Медичи, – хмрюсь я. – Но, к счастью, ты не борешься за политическую власть.

Сент-Клэр смеется, его глаза искрятся от восторга:

– Мне нравятся твои сексуальные художественные сравнения.

– Ты первый, кому они нравятся, – улыбаюсь я, думая обо всех плохих первых свиданиях, на которых бывала. – Однажды я была на свидание вслепую, и парень, якобы

обожавший Моне, сказал: «последний альбом чувака был убийственным!»

Сент-Клэр смеется, в этот момент наш официант подходит с блюдами для каждого из нас: филе миньон с лисичками и печеным картофелем, салат Фризе с грушей, карамелизированными орехами пекан и натертым пармезаном, а также свежее испеченный хлеб.

– Выглядит потрясающе, – говорю я, рот наполняется слюной. – Я ем так много итальянской еды – так что это невероятное удовольствие! – Я замираю с ножом на полпути к моему стейку. – Не говори Джованни или Фреду, что я так сказала!

– Торжественно обещаю, – усмехается он, изображая крест на сердце. – Это самая приятная еда – простая, классическая, качественная. Это один из моих самых любимых

ресторанов в Лондоне.

Еда восхитительная, и мы с радостью трапезничаем, беседуя в промежутках о выставке

работ студентов и достопримечательностях города. Это приятный ужин, и по его завершении я чувствую себя умиротворенной и довольной.

Выходя из-за стола, Сент-Клэр берет меня за руку, и я чувствую пульс в его пальцах и легкую искорку тепла, когда мы проходим через лобби. Метрдотель желает нам доброй ночи, и мы уже почти выходим из ресторана, когда я ощущаю, что Сент-Клэр напрягается. Парень типажа «я-из-высшего-общества-и-хочу-чтобы-все-об-этом-знали» в показушном костюме только что вошел в дверь под ручку с, как я предполагаю, требующейся статусу девушкой с блестящими темными волосами и минимумом одежды. Высокий рыжеволосый мужчина замечает нас.

– Сент-Клэр! – вопит он, направляясь к нам с важным видом и практически волоча за собой свою подружку, которая, будучи на высоченных каблуках, не в состоянии сделать

нормальный шаг. Он хлопает Сент-Клэра по плечу. – Рад тебя видеть, приятель.

Он бы не понравился мне, даже если бы Сент-Клэр не замер рядом со мной каменной глыбой. У парня румяные щеки и неизменно самодовольное, презрительное выражение на лице.

Стелла Лондон

Искусство и Любовь # 2

Сент-Клэр не отвечает. *Потерявший дар речи Сент-Клэр?*

Мужчина сам представляется мне:

– Спенсер Кроуфорд. – При этом он не протягивает руку и не представляет свою спутницу. – Ты уже достаточно зализал раны после провала в Аукционном доме «СОХО»?

Сент-Клэр смотрит на Кроуфорда:

– Я никогда не переживаю по мелочам, Кроуфорд, – его тон ледяной и так отличается от заигрывающего Сент-Клэра, к которому я привыкла. – Я не думаю, что тебе удалось найти документ на право собственности на ту картину Армана?¹²

– Я выиграл честно и справедливо, – ухмыляясь, говорит Кроуфорд. Он наклоняется чуть ближе: – Для такого удачливого парня, ты не так уж хорош в этом. – Он раздражается

резким смехом, но Сент-Клэр не присоединяется к нему.

– Пойдем, подышим свежим воздухом, – произносит Сент-Клэр, поворачиваясь ко мне и полностью игнорируя Кроуфорда.

– Отличная идея, – соглашаюсь я.

На улице приятная ночь, звезды скрыты низкими облаками, но в барах и клубах продолжается веселье. Сент-Клэр с квартал молча идет рядом со мной, но затем я не выдерживаю и спрашиваю:

– Что это сейчас было? Кто этот парень?

– Некто, не заслуживающий упоминания.

– Ну же, – прошу я. – У вас двоих явно есть история.

Сент-Клэр вздыхает.

– Спенсер Кроуфорд был хулиганом в подготовительной школе, который цеплялся к

слабым и получал от этого удовольствие. А теперь вырос и превратился в корпоративного

рейдера.

Я стараюсь поднять ему настроение:

– Как Индиана Джонс?

Сент-Клэр улыбается моей шутке, но этого не хватает, чтобы вытащить его из накотившей мрачности.

– Его заботят лишь выгода и трофеи, последние строчки в балансе и статусная атрибутика. Он больше похож на Принца Джона:13 ворует у бедных и обездоленных, чтобы отдать богатым.

Я вспоминаю, что он говорил мне о картине Дюрера, отнятой нацистами.

– А ты больше похож на Робин Гуда?

Он горько смеется:

– Иногда мне бы этого хотелось.

– Картина Армана, о которой упомянул Кроуфорд... речь о Пьере Армане? – спрашиваю я, подразумевая известного художника-импрессиониста.

Он кивает:

– Да. Это его последняя известная работа «Сад в долине». Она принадлежала моей матери, семейная реликвия, которая передавалась из поколения в поколение, несмотря

на тяжелые времена и войны. Бесценная. А мой отец проиграл ее этому мудаку.

– Что произошло?

Сент-Клэр сглатывает, будто нес это бремя долгие годы. Полагаю, так и есть.

– У моего отца проблема с азартными играми, – тихо признается он. – Большая проблема, и несколько лет назад он влез в огромный долг, скрыв это от всех остальных

В

семье. Кроуфорд, экстраординарный оппортунист,14 выкупил долг моего отца и потребовал оплатить его полотном Армана.

– Ну и козел, – сердито выпалила я.

Сент-Клэр кивает:

12 Арман, наст. имя Арман Пьер Фернандес (фр. *Arman, Armand Pierre Fernandez*; 17 ноября 1928, Ницца — 22 октября 2005, Нью-Йорк) — французский и американский художник, коллекционер, один из основателей нового реализма.

13 Персонаж из Робин Гуда.

14 Человек, ловко использующий данные обстоятельства.

33

N.A.G. – Переводы книг

– И мой отец тоже. Дальше хуже. Мама была больна, так что отец вынес картину посреди ночи без надписей под картиной или официальных документов на продажу. Кроуфорд никогда не должен был допускать этого.

Не могу в это поверить.

– Ты не можешь подать на него в суд и вернуть ее?

Сент-Клэр медлит.

– Я думал об этом. Но судебное разбирательство привлечет внимание к нелегальным

сделкам моего отца, – он вновь вздыхает. – Я был в США, когда все это произошло, и когда узнал, то предложил Кроуфорду в десять раз больше того, что он заплатил за нее,

но ему просто доставляет удовольствие таким образом издеваться надо мной. Мне следовало быть тут, тогда я мог бы это предотвратить. – Он злится, но не на Кроуфорда, а, скорее, на себя.

– Похоже, ты сделал все, что мог, – мягко говорю я.

– Этого недостаточно, – резко отвечает он, а затем смягчается. – Прости, Грэйс. Я был невероятно груб, вот так вываливая все свои темные семейные тайны.

– Вовсе нет. Мне нравится, что ты так усердно старался вернуть семейную реликвию. Ты волнуешься о том, что правильно, не многие думают так же.

Сент-Клэр сжимает мою руку, и я вспоминаю, что он все еще ее держит. Он подносит ее

к губам и оставляет легкий поцелуй на тыльной стороне моей ладони. Это лишь мимолетный контакт, но меня охватывает трепет от воспоминаний о его губах на моих. И о большем...

Почувствовав прилив жара к низу живота, заставляю себя отбросить прочь это воспоминание, прежде чем я слишком им увлекусь.

Чарльз не выпускает моей руки, и мы идем дальше по улице вдоль зданий из дерева и кирпича, старой и добротной постройки.

– В Калифорнии нет строений такого возраста, – говорю я, осматриваясь по сторонам.

– Все здесь такое величественное.

Он улыбается:

– Величественно – звучит скучно.

– Ну знаешь, отвечающим изощренному вкусу. Культивированным – куда не повернись, всюду много искусства. – Мы натываемся на небольшой дворик с фонтаном.

В

нем стоят статуи трех молодых женщин, запечатленных в камне, из их голов каскадом спускается вода. – Например, смотри, разве это не мило? По всему городу раскиданы небольшие островки красоты.

Сент-Клэр медлит, а затем по его красивому лицу расплывается озорная ухмылка:

– Давай искупаемся, а?

– Что? – ахаю я. – Нет! Разве это законно?

Сент-Клэр смеется, развязывая свой галстук и снимая обувь.

– Кому какое дело?

А затем, прежде чем я успеваю сообразить, что он настроен серьезно, Сент-Клэр перелезает через бортик фонтана.

– Ну же, давай, – подзывает он меня. – Ты пропустишь все веселье!

Он встает под струю фонтана. Вода стекает по его рубашке, и та липнет к его телу, стекает ручейками по его мокрым волосам.

Он сам выглядит как шедевр: высеченный из мрамора, созданный мастером.

– Грэйс! – настаивает Сент-Клэр. Он зачерпывает немного воды и брызгает на меня, но я вовремя отскакиваю с улыбкой. – Ты собираешься так стоять и смотреть всю ночь?

Если бы могла, то именно так бы и сделала, но искушение слишком велико. Мне

хочется почувствовать, каково это – быть таким спонтанным и безрассудным. Хихикая,

снямаю обувь и осторожно шагаю в воду.

– Она холодная! – восклицаю я.

– Иди сюда. – Он хватает меня и утягивает на глубину, под водный поток. Вода каскадом стекает по нам, и мы промокаем за считанные секунды. Я, смеясь, цепляюсь

за него, а затем потихоньку смех стихает.

Он смотрит на меня с неподдельным голодом в глазах. Желанием. Никогда раньше ничего подобного не видела.

– Привет, – шепчу я, глядя ему в глаза. Вода стекает по его идеальным скулам, по его губам. Не могу удержаться, чтобы не смотреть не мигая.

Стелла Лондон

Искусство и Любовь # 2

– Привет. – Он убирает с моего лба прядь мокрых волос, и наши взгляды встречаются.

Он наклоняется для поцелуя. Медленного и жаркого и глубокого. Я растворяюсь в нем,

он притягивает меня ближе, пока я не оказываюсь тесно прижатой к его мокрому точеному

телу.

Боже, ощущения такие приятные. Я приоткрываю губы и позволяю вторгнуться его языку. Он издает стон и впивается в мою нижнюю губу, его нужда разжигает мое желание. Я хватаюсь за его мокрую рубашку и притягиваю его ближе, желая большего, желая полного контакта кожи с этим прекрасным телом. Не знаю, сколько времени мы проводим, охваченные этим эпическим поцелуем, но вдруг раздается громкий рев клаксона.

– Да! Дерзай! – доносятся крики. Я отрываюсь от Чарльза и замечаю проезжающую мимо машину, полную парней, которые кричат и издают возгласы.

Я краснею от смущения, в то время как Сент-Клэр просто смеется и машет им в ответ.

Пошатываясь, восстанавливаю дыхание. Я могла бы целовать его всю ночь. На долю секунды я колеблюсь, но затем смотрю ему в глаза.

– Хочешь, вернемся в мою квартиру? – шепчу я.

– Не уверен, что могу ждать так долго. – Он целует меня в мочку уха, оставляет легкие поцелуи на мокрой коже моей шеи своими теплыми губами. – Моя квартира ближе. – Он потирает большими пальцами мою шею, посылая дрожь томления, которая распространяется по телу и концентрируется у меня между бедер.

Я стараюсь сжать ноги.

– Звучит хорошо.

– Давай поймаем кэб.

Всю дорогу до квартиры Сент-Клэра мы целуемся, в итоге задние окна кэба запотели как у парочки подростков. Когда кэб останавливается у входа, Сент-Клэр бросает водителю несколько двадцатифунтовых купюр со словами «сдачи не надо».

Он толкает меня внутрь и целует, прижав к стене, еще до того, как дверь за нами успевает закрыться.

– Ты вся мокрая, – шепчет он, лаская мою грудь через влажное, прилипшее к моей

коже платье и кружево моего бра.

Я вся дрожу, проводя руками по его торсу. Распахиваю его рубашку и стягиваю ее вниз,

не переставая целовать его грудь. Я так поглощена моментом, что с трудом могу удержаться на ногах. Мне следует оторваться на мгновение, чтобы успокоиться, чтобы обдумать это, но я не хочу.

Мне хочется потеряться в нем и никогда не останавливаться.

Сент-Клэр берет меня за подбородок и наклоняет мою голову чуть в сторону, чтобы вновь завладеть моим ртом в страстном поцелуе. Заведя руки мне за спину он расстегивает молнию на платье, и оно соскальзывает на пол. Я издаю слабый стон, вспоминая последний раз, когда он меня раздел, и как его жаркий язык исследовал изгибы моего тела. Вздрагиваю от предвкушения. Он расстегивает бра и склоняется, чтобы поцеловать мою грудь. От охвативших ощущений я вновь издаю стон и выгибаюсь ему навстречу, отчаянно нуждаясь в большем. Он дразнит мои соски, водит по ним языком, пока они не твердеют от нужды, после чего берет каждый по очереди в рот.

Жестко их посасывает, и я вскрикиваю от удовольствия, хватаясь за его широкие плечи,

чтобы не упасть на пол в обмороке. Но мне нет нужды беспокоиться об этом – он поднимает меня, удерживая своими сильными руками, и несет через тонущую в темноте квартиру в свою спальню.

Сент-Клэр аккуратно кладет меня на кровать. Я смотрю на него, пока он медленно стягивает с меня трусики, и неожиданно оказываюсь перед ним обнаженной и полностью

раскрытой. Его глаза в темноте жадно пожирают каждый миллиметр моего тела.

– Боже, как ты прекрасна, – шепчет он, медленно расстегивая ремень и снимая брюки.

– Я мог бы смотреть на тебя вечно.

Мое сердце поет, но помимо слов мне нужно от него большее. Не просто большее – все. Когда он обнажается, я тяну его на себя, и он накрывает мое тело своим. Ощущать его кожа к коже – невероятно. Мне с трудом в это верится. А затем я чувствую прижимающуюся ко мне его жаркую, твердую и вставшую плоть.

Да.

35

N.A.G. – Переводы книг

Я откидываюсь на спину, широко разводя в стороны ноги... приглашая.

– Я так тебя хочу, – шепчу я, и Сент-Клэр стонет в ответ.

Он тянется к прикроватной тумбочке и мгновение спустя устраивается у меня между бедер. Я ощущаю, как его пальцы легко ласкают меня, поглаживая мой клитор с идеальным нажимом до тех пор, пока я уже не в состоянии выдержать этот жар.

– *Всего* тебя. – Я протягиваю к нему руку, такому большому и твердому, и подвожу к себе, готовой и ожидающей. – Боже, Чарльз...

Он проникает в меня медленно, будто смакует каждый дюйм ощущений. Я прижимаю голову к его плечам, это такой кайф. Боже, так приятно.

– Грэйс, – его голос напряжен, а обычно спокойное выражение лица сменяется чистой потребностью. Он врезается глубже, усиливая напор, полностью заполняя меня. Я ахаю и впиваюсь зубами в его плечо, а ногтями ему в спину. Обхватываю его

торс

ногами, в то время как он толкается во мне, все глубже и быстрее. Чувствую, как зарождается столп сладкого огня, пульсирующее давление нарастает, будто волна. Он сжимает мою попку, удерживая меня на месте, и кусает шею, издавая низкий утробный стон. Это все, что мне нужно.

Мои бедра приподнимаются ему на встречу, я запрокидываю голову, растворяясь в ощущениях, по мере того как его толчки становятся более частыми, сильными, глубокими, теряясь в нашем жарком ритме, пока меня будто цунами не накрывает оргазм – прекрасная волна чистейшего наслаждения, достаточно сильная, чтобы поглотить меня без остатка. Я чувствую как напрягается Сент-Клэр, и в свою очередь достигает кульминации. Слышу, как он выкрикивает мое имя, а затем нас обоих окутывает блаженство.

Стелла Лондон

Искусство и Любовь # 2

Глава 8

Я просыпаюсь в роскошной кровати в окружении мягких простыней, чувствуя себя ошеломленной и дезориентированной, но довольной. Чувствую запах кофе, перед тем как

открыть глаза.

– Ммм, как вкусно пахнет, – говорю я вслух, все еще сонная.

– Привет, соня, – Сент-Клэр целует меня в щеку, и я вдруг вспоминаю все о прошлой ночи.

Все.

– Привет. – Я бросаю взгляд на мужчину рядом и не могу сдержать улыбки. Его взъерошенные после сна волосы восхитительно разметались, а обычно точеные черты лица кажутся мягче и расслабленней. Мне хочется оставить поцелуи на всем его теле.

– Ты хорошо спала? – он склоняется в паре дюймов от моего лица, будто мы давние любовники, кладет щеку на руку, опираясь на локоть. – Благодаря тебе я спал *очень* хорошо.

Я краснею.

– Я тоже. – Вообще-то лучше, чем за все последние месяцы. И это не была лишь физическая связь. С Сент-Клэром я ощущаю нечто большее. Но еще слишком рано анализировать мою личную жизнь. Мне нужен кофе. – Где Джо?15

Он тыкает себя в грудь.

– Я Чар-льз, помнишь? – ухмыляется он.

– Упс. Должно быть, я села вчера не в тот кэб, – усмехаюсь я. – Эти британские парни все на одно лицо.

– Что ж, тогда, полагаю, мне нужно почаще оказываться не в том кэбе, – говорит он и притягивает меня ближе.

– Полагаю, что так, – шепчу я ему в губы. С радостью прижимаюсь к его груди и в этот момент понимаю, что в нем особенного: мне уютно. Быть с ним легко и весело.

Осторожно, Грэйс, а как же держать все в профессиональном ключе? Наверно, я отбросила это, когда прошлой ночью села в тот кэб и отправилась в квартиру Сент-Клэра.

Я улыбаюсь.

– Но если серьезно, я чувствую запах кофе.

Он качает головой, изображая разочарование.

– Ох уж эти американцы с вашими драгоценными чашками кофе.

– А как же ты? – поддразниваю я. – Тебе лучше не сообщать своим соседям, что ты переметнулся из стана чаеманов. Иначе они лишат тебя гражданства.

Он снова смеется, и я против воли наслаждаюсь этой легкостью. Часть меня беспокоит, что все слишком хорошо, чтобы быть правдой, но я велю ей замолчать и позволить мне мирно насладиться этим моментом. Как я могу найти истинную красоту, если не желаю надеяться, рисковать и верить, что фантазии иногда сбываются?

Из другой комнаты доносится характерный звонок таймера, и я понимаю, что даже не видела остальную часть дома, а гостиная прошлой ночью была погружена в темноту и казалась гораздо менее интересной для изучения, чем Сент-Клэр.

– Этот сигнал означает, что твой кофе готов.

Он сжимает меня в сладких неспешных объятиях, после чего садится, кончики его волос торчат в разные стороны, словно иглы у дикобраза. Будто он пытается убить

меня

своей милотой.

Я тоже сажусь, наконец-то разглядывая что-то помимо мягких подушек и простыней.

Мы на втором этаже: единственное, что видно из огромных окон от пола до потолка –

это

солнечный свет, голубое небо и черепичные крыши, растянувшиеся на мили. Мимо проносится стая птиц, в отдалении видны церковный колокол и куранты.

– Восхитительно.

Сент-Клэр встает с кровати и с умилением смотрит на меня сверху вниз.

– Воистину. – Он одергивает одеяло. – Пошли, спящая красавица. Я приготовлю тебе завтрак.

15 Амер. джо=кофе.

37

N.A.G. – Переводы книг

В его кондо так много стекла, что мы с таким же успехом могли быть на улице.

Широкое окно на потолке и множество других впускают в помещение естественный свет,

отчего все вокруг сияет, а утреннее солнце озаряет его картины: Ван Дейк, еще одна картина Пикассо, несколько картин более поздних британских художников – их работы чуть смелее, формы более современные и свободные, но все равно удивительные.

– У тебя невероятная коллекция, – говорю я, когда мы проходим через гостиную на кухню. Диван, который мы упустили прошлой ночью – хотя он находится лишь в четырех футах от двери – из мягкой серо-коричневой замши, стены выкрашены в белый цвет, а над открытым газовым камином облицованная белым деревом рама.

– Когда ты успеваешь все это покупать?

– Я и не успеваю, – он роется в шкафу рядом с плитой в поисках сковородки. Находит нужную и вертит ее в руке, поворачиваясь ко мне. – Для этого ты мне и нужна.

Я устраиваюсь на барном стуле лицом к нему и наблюдаю, за его готовкой. Он

уверенно себя чувствует на кухне из нержавеющей стали, разбивает яйца, готовит в тостере хлеб, жарит бекон с несколькими дольками помидора, в то время как я попиваю

свой кофе. Стараюсь не представлять, скольким женщинам он готовил завтрак, и просто

наслаждаться тем, что он делает это для меня. И под «делает это для меня» я подразумеваю все доступные способы: его белый халат открывает треугольник его гладкой груди, по которой мне хочется провести ладонями, ощутить рельеф его мышц под своими пальцами, двигаясь вниз к его прессу...

– У меня для тебя сюрприз, – говорит Сент-Клэр, ставя передо мной тарелку.

– Сюрприз? – в моей груди поднимается небольшой всплеск возбуждения. – Какой? Он посмеивается.

– Ну если сказать, это испортит сюрприз, разве нет?

– Скажи!

– Давай позавтракаем, а после пойдем.

– Мучитель, – говорю я, надкусывая яичницу с беконом. Конечно же, она приготовлена хорошо. Что бы не делал Сент-Клэр, все получается хорошо. Может ли

этот

мужчина быть еще более идеальным?

Показывая мне обещанный сюрприз, Сент-Клэр не уводит меня далеко, всего лишь в паре минут пешей доступности. Он сворачивает с оживленной улицы с шикарными кафе

и бутиками и останавливается возле узкого таунхауса. На первом этаже расположена небольшая химчистка. Я в замешательстве.

– Ты пытаешься мне на что-то намекнуть? – шучу я.

Он смеется и достает ключ, который подходит к одной из дверей.

– Ты мне доверяешь?

Я смотрю в его глубокие синие глаза и чувствую всем нутром. Я доверяю ему. Доверяла с самого начала.

– Грэйс? – он выглядит обеспокоенным.

– Что?

– Это не был вопрос с подвохом.

– Точно, – я трясую головой. – Конечно, я тебе доверяю!

– Хорошо. А то я уж на секунду заволновался. – Он открывает дверь рядом с химчисткой и ведет меня по узкой лестнице вверх на один пролет. Мы оказываемся

перед

еще одной дверью, на этот раз, открыв ее, Сент-Клэр отходит в сторону. – Проходи, – улыбается он, при этом выглядит так, будто это он сейчас получит подарок.

Я медленно прохожу мимо него и замираю. Это арт-студия. Вдоль стены стоит десяток холстов разного размера, а на бетонном полу, забрызганном каплями краски и лужицами

темного цвета, установлены несколько мольбертов. На полке вдоль одной из стен лежат

всевозможные краски – акриловые, масляные, акварельные – и кисти всех форм и разновидностей. Студия залита светом из трех окон, расположенных у потолка, в углу

установлена промышленная раковина, любовно тонирующая прошлыми художниками.

– Это место связано с колледжем? – спрашиваю я, все еще находясь немного в замешательстве. – Мы здесь встречаемся со студентами?

– Не совсем, – говорит он, улыбаясь от уха до уха. – Это твой сюрприз. Она для тебя. – Он жестом указывает на комнату.

– Для меня? – глухо повторяю я.

Стелла Лондон

Искусство и Любовь # 2

– Нет, для твоего творчества. Чтобы ты могла работать, снова рисовать. – Он застенчиво пожимает плечами. – Может, это поможет тебе вновь найти вдохновение. Я лишаюсь дара речи.

– Ты приготовил это для меня?

– Тебе нравится?

Я еле сдерживаю слезы. Этот милый и заботливый жест ценнее, чем деньги. Он заботится обо мне и моей работе. – Как я вообще могу надеяться когда-нибудь отплатить

тебе за все это? – шепчу я.

– Я хочу заполучить себе первый оригинал работы Грэйс Беннет, – улыбается он. – Договорились?

– Договорились, – произношу я, мое сердце переполняют эмоции. Он наклоняется для поцелуя, его пальцы опускаются вниз по моим щекам, чтобы приподнять подбородок. Наши губы соединяются, языки переплетаются, дыхание смешивается, и как всегда проскальзывает электричество, но в этом есть что-то большее, чем просто страсть – более

глубокая связь.

– Спасибо, – шепчу я, когда мы отстраняемся.

Он целует меня в лоб.

– Спасибо тебе, Грэйс, моему счастливому талисману. – Он смотрит на свои часы. – А теперь мне надо вернуться к делам, но ты оставайся здесь сколько пожелаешь и посмотри,

как проявит себя твое вдохновение.

Когда он уходит, я брожу по комнате, слегка касаясь банок с красками, в изумлении пробегаю пальцами по щетине кистей. Не могу поверить, что все это мое. Я думаю о словах Сент-Клэра, что страсть никогда не исчезает, и вспоминаю, что говорила моя мама

о вдохновении, что оно никогда не приходит, когда ты пытаешься его принудить.

Тем не менее спустя столько времени я нервничаю. Поэтому решаю сбросить напряжение: достаю немного краски и некоторое время просто балуюсь, рисуя линии случайных цветов, проводя то с различным нажимом, то поверхностно. Даже не замечаю,

как проходит день, пока свет из окна не тускнеет и я не осознаю, что отлично развлеклась.

Никакого рисования под давлением, а как в старые добрые времена, до того как последствия коснулись моего творчества. За это надо поблагодарить Сент-Клэра. Возвращаясь в свою квартиру, я парю на седьмом небе. Чувствую, что даже если в

ближайшее время не сотворю шедевр, сегодня впервые за долгое время я прикоснулась

кистью к холсту, и это восхитительно. Приближаясь к своей улице, стараюсь придумать,

как могу выразить свою признательность Сент-Клэру. Он, кажется, из тех мужчин, у которых все есть, но, уверена, смогу придумать какой-нибудь маленький жест благодарности за все, что он для меня сделал.

– Здравствуйте, мисс Беннет.

Я поднимаю взгляд. Прислонившись к перилам, у моей квартиры ожидает мужчина. Я узнаю в нем Ника Леннокса, агента Интерпола, который расследует в Штатах кражи произведений искусства.

Удивлена увидеть его здесь.

– Привет, э-э, все в порядке?

– Просто замечательно, – Ник оглядывается по сторонам. – Милый райончик.

Неплохо для интерна аукционного дома.

От его тона я слегка напрягаюсь.

– Арт-консультанта, – поправляю его, доставая ключи. – Могу вам чем-нибудь помочь?

– Надеюсь, – улыбается мне Ник. – Мы можем сходить куда-нибудь и поговорить?

– Мы уже разговариваем.

Он улыбается, но улыбка не достигает его глаз.

– Более уединенно.

Вместо того, чтобы пригласить его в дом, я киваю в сторону маленького парка в конце квартала:

– После вас.

Мы прогуливаемся в тишине, но мой мозг усиленно работает. Наконец, я спрашиваю:

– Был ли в деле «Кэррингс» какой-нибудь прорыв? Новые зацепки?

39

N.A.G. – Переводы книг

– Можно и так сказать. – Мы подходим к маленькой лавочке, и он жестом приглашает меня садиться. – Я приехал к вам, потому что мне нужна ваша помощь.

Правда?

– Моя помощь? С чем? Я уже рассказала вам все, что знаю об ограблении «Кэррингс». Больше мне ничего не известно.

– А если это не так? Вы бы посодействовали расследованию? – Леннокс смотрит на меня немигающим взглядом.

– Конечно, – хмурюсь я. – Я хочу, чтобы вора поймали.

– Хороший ответ, – улыбается он. – Я знаю, кто выкрал картину из «Кэррингс», кто стоит за всеми ограблениями, и у вас, оказывается, есть уникальная возможность

помочь

доказать его вину.

Я по-прежнему в замешательстве.

– Как? И.. кто это?

– Это был Сент-Клэр, – произносит Леннокс, не сводя с меня глаз. – Он и есть вор.

Я взрываюсь хохотом.

Леннокс просто переживает, по-прежнему изучая меня пристальным взглядом.

Он что, серьезно?

– Не может быть! – протестую я. – Сент-Клэру незачем что-то красть. Он купил картину! Он мог бы купить все, что пожелает!

– Я и не говорил, что он заинтересован материально.

– Тогда что? – меня до сих пор трясет. Что-то не сходится. Сент-Клэр не вор, его заботит, что правильно, а что нет, и ко всему прочему у него нет мотива. – В ваших словах

нет смысла.

– Разве? – с вызовом произносит Леннокс. – Вы же знаете вашего друга: Сент-Клэр любит риск, адреналин. Ему доставляет удовольствие нарушать правила и ему плевать на

последствия. Он богатый, праздный и у него комплекс Бога. Думаю, он идеально вписывается в профиль. Это касается не только дела «Кэррингерс», за последние несколько лет была череда международных ограблений. Кража золота в Брюсселе в прошлом году. Алмазов Альберти в Монако. Рио-де-Жанейро... я мог бы продолжить.

– Не надо. – Мой голос холоден. Я знаю, что у Сент-Клэра адреналиновая зависимость, но она проявляется в публичном купании в фонтане и пикниках в музее, где они запрещены, но это вряд ли соотносится с кражами многомиллионных произведений искусства.

Я поднимаюсь на ноги.

– Я наслушалась достаточно. У вас нет оснований его обвинять. Если вы и впрямь думаете на него, то почему до сих пор не арестовали?

Выражение лица Леннокса меняется.

– У меня нет доказательств...

– Ха!

– Пока. Но они будут.

– Ваше предположение притянута за уши. Вы до сих пор не нашли никаких доказательств, потому что их просто нет, – я качаю головой, припоминая, что мне сказала

Пэйдж. – Я знаю, что дело становится холоднее. Неужели вы уже настолько отчаялись?

Он прищуривает глаза:

– Я не ошибаюсь, Грэйс. Вы можете помочь мне добыть улики...

– Даже не рассчитывайте, – рычу я, поворачиваясь, чтобы уйти. Но Леннокс хватается за руку и разворачивает назад.

– Он виновен, Грэйс. И он преступник. В конце концов я его поймаю. Обидно будет видеть, как вы потоните вместе с ним. – Он достает свою визитку. – Надеюсь, вы передумаете.

Не могу поверить, что он мне угрожает. Я не беру протянутую визитку.

– Это вы преступник, порочащий его доброе имя.

Он наклоняется ко мне, отчего его лицо выглядит довольным.

– Он не так идеален, знаете ли. – Он просовывает свою визитку мне в сумочку. – Сент-Клэр одурачил вас. Вы вовсе его не знаете.

– Знаю! Это вы сами не знаете, о чем говорите. Он хороший человек. Самый лучший, – яростно бросаю ему в ответ.

Стелла Лондон

Искусство и Любовь # 2

– Возможно, – отвечает Леннокс. – Но с другой стороны, может, он слишком хорош, чтобы быть правдой. – Его слова поражают меня, и по его ухмылке я понимаю, что он догадался об этом. – Подумайте пока. А когда осознаете, что он одурачил вас, найдите меня. Потому что я не остановлюсь, пока не прижучу его.

Он отпускает меня, кивая, а затем уходит, оставляя меня одну в парке с первыми зернами зарождающихся в моем сознании сомнений.

41

N.A.G. – Переводы книг

Глава 9

– Ты в порядке? – спрашивает Сент-Клэр, наливая мне бокал «Совиньон Блан» к рыбе, шипящей на плите.

– Да, в порядке, – говорю я уже в десятый раз на этой неделе, когда он застаёт меня в момент сомнений и размышлений о словах Леннокса, что всегда превращается в

момент

вины, ведь Сент-Клэр был таким ласковым и замечательным последние несколько дней:

готовил мне ужин, провожал до дома, целовал на ночь – страстно и нежно, – при этом не

ожидая большего.

– Ты кажешься отвлеченной.

«Может это потому, что агент Интерпола проинформировал меня на прошлой неделе, что ты являешься главным подозреваемым», – думаю я, но затем он протягивает руку и сжимает мое плечо, в его прекрасных синих глазах плещется беспокойство, и мне плохо уже оттого, что я вообще задумываюсь о его возможной вине.

Леннокс на грани, у него нет зацепок, и, вероятно, ему приходится сталкиваться с давлением со стороны агентства – его подозрения никоим образом не могут быть правдой.

– Просто думаю о картинах студентов, – выдавливаю из себя улыбку.

– Есть что-нибудь стоящее? Судя по тому, что я видел, тебе предстоит трудный выбор.

Он переворачивает филе в чесночно-масляном соусе и проверяет запекающиеся в духовке брокколи, при этом его бицепсы перекачиваются под серой футболкой.

Думаю,

что таким он мне нравится больше всего: после работы, вне своего костюма, со взъерошенными и спадающими на глаза волосами. У меня слегка спирает дыхание.

– Так и есть, – соглашаюсь я. – От моего выбора многое зависит, к тому же с некоторыми художниками даже не знаю, как поступить.

– Конечно же тебе следует прислушиваться к своему сердцу, – говорит Сент-Клэр, и я задаюсь вопросом, не умеет ли он читать мои мысли.

– Ты так же принимаешь свои деловые решения?

– По большей части. Сердцем или нутром, – пожимает плечами Сент-Клэр. – Ты можешь взвешивать варианты снова и снова, но в итоге любой выбор – это риск. Просто

порой наш разум только мешает.

– Ты говоришь так, будто это просто сделать.

Он ухмыляется:

– Неужели ты до сих пор не поняла, что все, что просто – не очень интересно? Но я предпочитаю принимать свои решения руководствуясь инстинктами, ощущениями от сделки.

Пока он раскладывает еду по тарелкам, я вспоминаю как Леннокс сказал, что Сент-Клэр наслаждается ощущением от ограбления. Он назвал его безрассудным. Богатым и праздным. Сент-Клэр никогда не был праздным, но теперь я задумываюсь о его бунтарстве...

– Как дела на работе? – спрашиваю я, чтобы отвлечься. – Командировка проходит так, как ты и планировал?

– И да, и нет, – Сент-Клэр невесело улыбается, когда мы садимся за его обеденный стол. – Было полезно провести встречи лицом к лицу с некоторыми деловыми партнерами, но пребывание здесь, в Англии, имеет определенные... недостатки.

– Например? – я пробую кусочек, и конечно же блюдо восхитительное.

– Например, приглашение от моего отца, – вздыхает Сент-Клэр. – В эти выходные я должен отправиться навестить родителей.

– Говоришь так, будто едешь с визитом к Мрачному Жнецу.¹⁶

– Это недалеко от истины, – он берет кусочек. – Хотя Мрачный Жнец был бы, пожалуй, более взволнован встречей со мной.

Я знаю, что его отец влез в карточный долг, что он был резок с Сент-Клэром, когда тот был еще ребенком. И явно видно, что со временем отношения не улучшились.

– Я могла бы поехать с тобой, – предлагаю я.

– Правда? – он выглядит удивленным. – Ты не обязана. Там будет скучно.

16 Одно из имен Смерти.

Стелла Лондон

Искусство и Любовь # 2

– Мне бы хотелось, – говорю я и серьезно имею это в виду. – Я бы с удовольствием посмотрела на то, где ты вырос.

Он выглядит удивленным, но радостным.

– Что ж, если ты уверена... Это бы помогло, – добавляет он со слабой улыбкой. – Мои родители рьяные сторонники манер. По крайней мере, когда в доме гость, им придется быть цивилизными.

– Значит, решено. И кто знает, может, это будет весело. Семейные ужины могут быть милыми.

Он смеется.

– Моя семья не похожа на ди Фиорес, Грэйс. Это определенно не будет весело.

– Считай, купилась.

Он снова смеется, его ямочки отлично меня отвлекают. Теперь он тепло улыбается:

– Не говори потом, что я тебя не предупреждал.

Он перегибается через стол и оставляет на моих губах легкий поцелуй, посылая по моему телу легчайший заряд электричества.

– Спасибо тебе, – говорит он – Я рад, что ты там будешь.

Мы выезжаем утром. Я сижу на пассажирском сиденье кабриолета Сент-Клэра, когда мы покидаем шумный город, направляясь в загородный дом его родителей в Сассексе.

Я взволнована предстоящей возможностью узнать больше о его семье, но Сент-Клэр не особо разговорчив, с тех пор как мы покинули пределы Лондона – кажется, он мрачнеет с

каждой пройденной милей. Я вижу, как проявляются эти изменения по мере нашего продвижения все ближе и ближе к его прошлому, поэтому стараюсь развеселить его, болтая о различных проектах студентов, которые я просматриваю – некоторые из них довольно примечательные.

– Я говорила тебе об инсталляции с Твиттером? – спрашиваю я. – Эта девочка стоит в белой комнате и читает вслух комментарии из Твиттера о тьме.

Сент-Клэр с трудом выдавливает из себя улыбку, все так же не отрывая взгляда от дороги.

Я продолжаю лопотать:

– А другой студент ставил черной краской Иксы на заброшенных зданиях, чтобы привлечь внимание к отказу СМИ предоставлять разностороннюю информацию и к социальной справедливости. Такое чувство, что они думают, достаточно им быть странными, и их заметят, но странность – это не всегда «хорошо», знаешь ли? Полагаю, некоторые из них просто еще слишком юны, чтобы понимать это. Помню, когда я училась

в художественной школе, мы все хотели придумать сенсацию.

Он улыбается, но эта улыбка тусклая, а не его обычная на тысячу ватт.

– Есть еще какие-нибудь перспективные варианты?

– Парочка. Как ты и сказал – для некоторых из них просто не настало нужное время. Нужное время – это очень важно.

Прямо как у нас. Я думаю обо всем, что сделал Сент-Клэр, как он изменил мою жизнь. Не только в плане работы и этой невероятной возможности путешествовать, но и в мелочах. Поощряя меня снова рисовать, вдохновляя быть более уверенной и больше верить в себя.

Миля пробегает за милей и пейзаж меняется. Кругом зеленая трава на зеленых холмах и зеленые лиственные деревья. Темные деревянные амбары и белые точки отар овец рассыпаны по полям и холмам, огороженным проволочными ограждениями частной собственности. Но мы уже определенно не в городской черте, а в английской сельской местности во всей ее пышной красоте.

– Мы уже близко? – спрашиваю я. – Не могу поверить, что ты тут вырос. Это кажется таким отдаленным! – Я думаю о своем детстве в Окленде, в окружении движения, шума и людей.

– В этом и суть для большинства данной публики.

Он сворачивает на узкую асфальтированную дорогу, которую я бы и не заметила – без каких-либо опознавательных знаков, за исключением одиноко стоящего богатого на вид почтового ящика.

Пока мы едем с ветерком вниз по дороге, под нависающими над нами ветвями гигантских дубов, Сент-Клэр, похоже, еще сильнее напрягается, сжимая

челюсть.

43

N.A.G. – Переводы книг

Ряды дубов по обе стороны от нас прерываются, открывая нам вид на восхитительный загородный дом, спрятавшийся среди холмов. Семейный дом Сент-Клэра трехэтажный,

весь из камня и кирпича, величавый и впечатляющий. Низкая каменная стена отделяет дом от насыщенной зелени двора, а каменная дорожка ведет к огромной деревянной двери, похожей на парадный вход в замок. По каменной стене стелются цветы, а плющ образует симпатичную зеленую арку над дверью.

– Дом, милый дом, – говорит Сент-Клэр тоном навечно проклятого. Выйдя из машины, ощущаю в воздухе аромат свежей земли и влаги. Папоротники и другие растения раскинулись вдоль дорожки, создавая чудесный и милый вид, и, несмотря на кислое настроение Сент-Клэра, я не могу сдержать свой восторг.

– Здесь так красиво, словно в сказке.

Сент-Клэр кивает, пока мы идем по дорожке.

– Тут множество монстров. Готовься. – Он с некоторым усилием открывает широкую парадную дверь. – Мам?

Моим глазам требуется минута, чтобы привыкнуть к тусклому освещению внутри, но затем я замечаю выложенный плиткой холл и большую гостиную за его пределами с окнами, выходящими на цветущий и красочный сад. Сент-Клэр оставляет наш багаж у двери, и мы проходим сквозь каменную арку в комнату с антикварными бархатными диванами со стройными линиями и мягкими подушками, столиками из темного дерева и медными лампами, завершающими замковый образ. На каменных стенах красуются масляные картины с изображением пейзажей, старые карты Великобритании и огромная

голова оленя над мантией. Я вздрагиваю.

– Дорогой! – Входит миниатюрная женщина, одетая в струящееся платье персикового цвета, и целует Сент-Клэра в обе щеки. – Так приятно видеть тебя!

Они обнимаются, и Сент-Клэр впервые по-настоящему улыбается, с тех пор как мы покинули Лондон. – Тоже рад тебя видеть, мама.

– Я так рада, что ты смог приехать, – говорит она. – Твой отец...

До нас доносится приближающаяся тяжелая поступь.

– Помяни дьявола, – бормочет Сент-Клэр, когда в комнату ступает высокий мужчина с темными, как у Сент-Клэра, волосами и фигурой пловца.

– Сын, – произносит он и протягивает Сент-Клэру руку для пожатия. – Твое переднее колесо кажется немного спущенным. Пусть Ренальдо посмотрит до твоего отъезда.

– Здравствуй, отец. Приятно тебя видеть.

– Ты привел гостью, – отец Сент-Клэра обращает на меня свои стальные серые глаза. В них нет ничего от теплоты или искорок юмора Сент-Клэра.

– Я как раз собирался представить маме Грэйс. Грэйс, это мои мама и папа, Элис и Ричард.

– Здравствуйте, приятно познакомиться.

Наступает затяжная пауза, пока они рассматривают меня. Не могу избавиться от чувства, будто мне следует сделать реверанс или нечто подобное. Нужно ли мне

пожать

им руки? Не знаю, что с собой делать. Я догадывалась, что не встречу здесь теплоту и нежность, но это так неловко. Большие напольные часы тикают, отмеряя затягивающуюся тишину. В итоге я не выдерживаю:

– У вас прекрасный дом.

– Грэйс помогает мне с финалом арт-шоу для Лондонского колледжа изобразительных искусств, – говорит Сент-Клэр.

Ричард фыркает:

– Все еще впустую тратишь свое время на те вычурные полеты фантазии.

– Ваш сын поддерживает прекрасную школу, – восклицаю я. – Там есть парочка действительно талантливых художников...

– А что насчет компании? – прерывает меня Ричард. – Или ее ты тоже измотал?

– У нас есть компания, – тихо произносит Элис в тот момент, как звонит телефон Сент-Клэра.

Он смотрит на экран:

– Мне нужно ответить.

– Кто бы сомневался, – говорит Ричард.

– Это по работе, папа. Помнишь, что значит иметь работу?

Стелла Лондон

Искусство и Любовь # 2

Меня передергивает изнутри, когда я наблюдаю, как Сент-Клэр выходит из комнаты через каменную арку. Ричард без слов уходит в противоположном направлении.

Элис, похоже, неловко.

– Мальчишки всегда остаются мальчишками.

Я нервно смеюсь, неуверенная, что мне тут делать. Но одно очевидно: мама Сент-Клэра умелая хозяйка.

– Может, сходим выпьем чаю? – предлагает Элис. – Это наверняка была дальняя дорога. Мы могли бы размять ноги в саду. Может, немного пройдемся?

– Звучит заманчиво, – выдыхаю я, радуясь возможности положить конец возникшему напряжению.

Снаружи, где, похоже, находится ее святилище, Элис будто оживает. Она показывает мне свои призовые розовые кусты, пышущие цветом и ароматом, белые и бледно-

голубые

гроздь гортензий, ярко-желтые и пурпурные антирринумы. Мы устраиваемся за столиком у дверей на кухню, и она выносит нам чай. Вдалеке, за пределами сада, виднеется пастбище, на котором пасутся две лошади, а с краю находится конюшня. От этого дух захватывает.

– Это похоже на картину, – говорю я, в восторге от природной красоты. – Или то, что мне хотелось бы нарисовать.

– Вы тоже художница?

В смущении я пожимаю плечами:

– Балуюсь. Но я очень люблю искусство.

– Как Чарльз. – Она передает мне чашечку чая. – Его отец не позволил бы ему заниматься творчеством, но я частенько задаюсь вопросом, мог бы он сотворить нечто великое, если бы у него был выбор.

Я киваю, не зная, насколько могу себя выдать. Сент-Клэр нарисовал не очень радостный портрет патриарха семьи. Элис хихикает:

– Ах, так он вам рассказал.

– Немного, – признаю я.

Она переводит взгляд на склон холма, на пестрых лошадей, похожих с этого расстояния на маленькие фигурки.

– Я очень горжусь своим сыном. Хотя беспокоюсь, что он слишком много работает. –

Она искоса смотрит на меня: – Ведь так, разве нет?

Я улыбаюсь.

– Он и правда много работает. Но, думаю, получает от этого удовольствие.

Она кивает.

– Тем не менее приятно видеть его наконец остепенившимся, – говорит она, одобрительно глядя на меня.

Я замираю. Подождите, она что, меня имеет в виду?

– О, эм, мы только начали встречаться.

– Да? – Она приподнимает брови.

– Все только завязывается, – краснею я.

– Что ж, должно быть, для него все серьезно. Чарльз никогда раньше не приводил домой девушку.

Я удивлена:

– Правда?

Она ухмыляется, и я вижу присущую Сент-Клэру игривость и более мягкую версию его ямочек на ее щеках.

– Правда, дорогая. – Она тянется, гладит ладонью мою руку, и я чувствую, какие холодные у нее пальцы, несмотря на солнце. – Будь поаккуратнее с ним. Он кажется твердым, как статуя, но покрывается трещинами быстрее, чем может показаться.

Мы довольно долго остаемся снаружи, и я рассказываю ей о своем детстве, о маме и о том, как повстречала Сент-Клэра у «Кэррингера». Затем она говорит, что ей лучше присмотреть за приготовлением ужина, так что я направляюсь в дом, чтобы отыскать свою дорожную сумку и, возможно, принять душ. Иду обратно через особняк и

замечаю

щели в броне здания: несколько осыпавшихся со стен камней, скрипящие ступеньки, недостающие кристаллы на люстрах и бра, увядшие цветы в потускневших серебряных

45

N.A.G. – Переводы книг

вазах. Это странное место, больше похожее на мавзолей, чем на жилой дом, и теперь я понимаю, почему Сент-Клэр хотел сбежать отсюда подальше, чтобы начать новую жизнь.

Когда я прохожу мимо библиотеки, до меня доносится голос Сент-Клэра, и я уже собираюсь зайти к нему и сказать, как мне понравилась его мама, когда осознаю, что

он

понижил голос до шепота.

Я склоняюсь поближе к приоткрытой двери, чтобы послушать.

– ...а это можно перевезти без рамы? – спрашивает он. – Какие у нее размеры?

Я замираю. Любые покупки произведений искусства, которые он осуществляет,

об

зоны

на

должны проходить через меня, если он доверяет мне свою коллекцию настолько, как

этом говорит. К тому же картины, как правило, не продают без рамы – во всяком случае не те, сделки по которым проводят законно. Что это нам дает? Я подхожу тихонечко ближе и заглядываю через щель.

– Нет, – говорит Сент-Клэр, вышагивая по комнате. – Нет. Это не сработает, не после последнего дела. В Штатах слишком большой ажиотаж, следующее я буду искать в Европе. Угу. Тогда дай мне знать. Нам нужно будет выяснить, как удержать это вне

действия радара.

Паркетная доска под моей ногой издает скрип, и Сент-Клэр разворачивается в сторону двери.

– Привет! – громко восклицаю я, входя в комнату, озаренная улыбкой, вместо того чтобы убежать, как мне бы того хотелось. – Я искала свою дорожную сумку. Это место такое огромное, я заплутала.

– Я положил ее в твою гостевую комнату, – говорит Сент-Клэр, но у него странное выражение лица. Почти... виноватое? – Прямо по лестнице, вторая дверь налево.

– Спасибо.

Я выскакиваю из комнаты и иду наверх. Но мой разум мечется. О чем был этот разговор? От какого «ажитожа» он бежал из дома и зачем нужно оставаться вне зоны действия радара?

Может, Леннокс быть прав? Сент-Клэр что-то от меня скрывает?

Стелла Лондон

Искусство и Любовь # 2

Глава 10

Официальный обеденный зал в особняке Сент-Клэра очень похож на Аббатство Даунтон – стены увешаны портретами предков и британских исторических деятелей в латунных рамах, тяжелые кремовые шторы обрамляют два окна, выходящих на пастбище, а посередине стоит длинный стол из темного дерева с двенадцатью стульями. Мы с Сент-Клэром и его родителями сидим рядом на одном его конце, и после нашего первого приветствия наступает такая же ледяная тишина, как этот холодный картофельный суп с луком-пореем, который нам подали. Я стараюсь не подавиться, стремясь удержать на лице искусственную улыбку. Сент-Клэр и его отец бросают друг

друга взгляды через стол, а его мама прихлебывает свой суп и притворяется, что не замечает этого.

Стоит такое напряжение, что я чувствую, мне нужен молот, чтобы расколоть образовавшийся лед.

– Так, те прекрасные лошади на пастбище. Кто-нибудь из вас на них катается? – Боже, это так тупо, но я должна хоть что-то сказать!

– Иначе зачем нам лошади? – иронизирует Ричард.

– Возможно, в скором времени у вас их уже не будет, если кое-что не изменится, – прохладно говорит Сент-Клэр. – Лошади не могут сами за себя платить.

Элис приподнимает голову:

– Это правда?

Ричард отмахивается:

– Не беспокойся, дорогая. Твой сын сам не знает, о чем говорит, так как проводит все свое время с картинами, а не с деньгами.

Сент-Клэр сжимает челюсти.

– У некоторых из нас есть средства, чтобы наслаждаться своими интересами.

Я стараюсь разрядить атмосферу:

– До того как мы покинули Сан-Франциско, Чарльз любезно пожертвовал несколько ценных картин больничному крылу.

– Это чудесно! – восклицает Элис.

Ричард опускает глаза к носу.

– Да, он очень хорошо умеет избавляться от вещей. Оставляя их позади.

– Думаешь, где я этому научился, отец?

Повар сменяет наши тарелки с супом на блюда с мясом и картофелем, слава богу. Этот суп выглядел так, будто ему место на болоте, а не в тарелке.

– Пахнет вкусно! – чирикаю я.

Мужчины не обращают на меня внимания.

– Мой отец выстроил этот бизнес с нуля, – язвительно говорит Ричард, – и я никогда даже не помышлял бросить все или пойти против его воли. Это твоим выбором было оставить свою семью.

– Потому что ты душил меня и критиковал каждый мой шаг, – бросает в ответ Сент-Клэр. – Как я должен был научиться всему?

Ричард делает большой глоток своего виски.

– В этом-то и проблема. Ты так и не научился.

– Ричард, милый, – пытается сгладить ситуацию Элис, но он ее игнорирует.

– Я многому научился, отец. Например, как пить не пьянея. Но этот урок ты так и не смог освоить, не так ли? – смотрит в ответ Сент-Клэр. У меня в буквальном смысле отваливается челюсть, и, осознав это, я заставляю себя закрыть рот. Даже не знаю,

что

сказать.

– Довольно! – неожиданно взрывается Ричард. – Помни о своих манерах, мальчишка. Ты под моей крышей и будешь относиться ко мне с долей уважения, черт побери!

– Имеешь в виду уважение, которое ты проявляешь по отношению к своей семье? – выплевывает Сент-Клэр и отодвигает свой стул: – У меня пропал аппетит.

Он бросает свою салфетку и вылетает из комнаты.

Я нервно встаю.

– Простите, мне стоит пойти посмотреть...

– Конечно, – говорит Элис и одаривает меня слабой улыбкой. – Иди, дорогая.

47

N.A.G. – Переводы книг

Я следую за Сент-Клэром вверх и разыскиваю его на этаже. Но его нигде не видно.

– Сент-Клэр? – зову я растерянно. – Чарльз?

– Я наверху, – доносится его голос из коридора.

Я вхожу в комнату в самом конце и обнаруживаю накрытую тканью мебель и коробки со старыми игрушками. Из люка в потолке торчит лестница, и, взобравшись по ней, я

нахожу Сент-Клэра сидящим в открытом окне мансарды.

– Привет, – говорю я, нежно касаясь его плеча. – Ты в порядке?

– Ты имеешь в виду после той катастрофы внизу? – вздыхает он. – И я еще думал, что мой отец сможет быть цивилизным.

– Мне жаль.

– Я знаю, – Сент-Клэр одаривает меня печальной улыбкой. Я смотрю мимо него через окно. Темные, умиротворенные холмы спят под одеялом из звезд.

– Здесь наверху красиво.

– Я частенько приходил сюда в детстве. Чтобы сбежать. Я смотрел на звездное небо и притворялся, что нахожусь за миллионы миль отсюда.

Он берет меня за руку и помогает вылезти в окно. Тут на крыше плоская площадка, и он расстелил на ней одеяло. Я сажусь рядом с ним, запрокидываю назад голову и смотрю

на Млечный путь – миллион белых точек, рассеянных по небу, словно капли краски.

– Красиво.

– Отсюда нас никто не может увидеть, – Сент-Клэр обхватывает меня рукой и притягивает ближе к себе. – Слово мы можем не существовать, если того пожелаем.

Хоть

на короткий промежуток времени.

Представляю, как он бывал тут ребенком, после очередной стычки с отцом из-за того, что любил приключения, был бунтарем, слишком умным, на свою беду.

– Твой папа всегда был таким? Даже когда ты был маленьким?

– Всегда. Он никогда меня не понимал, никогда даже не пытался. Я не был таким как он, а следовательно – огромным разочарованием.

– Это, должно быть, тяжело.

Представить не могу, как обидно иметь родителей, которые не поддерживают тебя. Мы были одни с мамой, но она настолько сильно любила меня, что восполняла отсутствие отца.

– К тому же, он такой лицемер, – вздыхает Сент-Клэр. – Читает мне нотации, когда я беру на себя деловые риски, в то время как сам пьет и проигрывает наше семейное состояние. Таковы реальные риски.

Я качаю головой:

– Это ужасно.

– Знаешь, что сейчас я оплачиваю все их счета? Все это... – он широко раскидывает в стороны руки, – оплачено мной, никудашным сыном. А думаешь, отец хоть раз сказал спасибо? Или хотя бы признал мой вклад?

Я качаю головой.

– Точно – ни разу.

– Сожалею, что все так плохо.

– И становится еще хуже. Чем лучше идут дела, чем большего успеха я добиваюсь, тем злее он становится.

– Разве это не должно его радовать?

Сент-Клэр медленно выдыхает и смотрит в темноту.

– Думаю, он хотел, чтобы я продолжил семейную линию... был таким же, как он и его отец. Слово он думает, что я отверг его, потому что не захотел стать подобным ему, и

ненавидит меня за это. А затем я проигнорировал его совет, сделал все по-своему и мои

методы сработали, – он проводит рукой по своим волосам. – Я просто не мог этого сделать, Грэйс. Я пытался, но не смог быть чьей-то точной копией. Мне хотелось большего.

Я беру его за руку.

– Ты заслуживаешь большего. Ты заслуживаешь быть тем, кем хочешь, кем являешься на самом деле. Ты не можешь винить себя за это.

– Спасибо, – медленно выдыхает он и смотрит на меня печальными, но менее сердитыми глазами, и на мгновение я растворяюсь в их цвете, в многослойности оттенков

синего, в градиенте цветов океана. – Как ты стала такой мудрой?

Стелла Лондон

Искусство и Любовь # 2

Я пожимаю плечами, не желая признаваться, что пока моя мама болела, я проводила все время на скорбных сайтах и досках объявлений.

– Фокусник никогда не раскрывает своих секретов.

Он улыбается, проблеск очарования Сент-Клэра возвращается.

– О, так теперь ты фокусница? – Он убирает мне за ухо выбившуюся прядь волос. Сент-

Клэр наклоняется, и его горячее дыхание, обжигающее мою шею, посылает мурашки вниз по позвоночнику, когда он шепчет: – Что еще ты можешь делать?

– Что ж, – я целую его в щеку. – Не уверена, что ты имеешь в виду. – Целую его шею, в место, где соединяются ключицы – я провожу так много времени, глядя туда, когда он одет в рубашку с расстегнутым воротником. Он издает низкий горловой звук, и я трепещу

от желания. Приближаю к его лицу свое, наше дыхание смешивается с ночным воздухом,

а тела так близко друг к другу. – О чем я говорила? – шепчу я.

И тогда он меня целует, его язык требует, чтобы мои губы впустили его. На вкус он сладкий, как бренди, и я не могу насытиться его губами, его ртом. Но этого недостаточно.

Я хочу большего, почувствовать его кожу своей.

Тяну его за рубашку, и мы скидываем ее. Его скульптурная грудь поблескивает в лунном свете, пробегаю по ней пальцами вниз к его прессу. Только я забираюсь ему под

пояс брюк, уже представляя, как он будет ощущаться у меня во рту, как он с ухмылкой убирает мою руку.

– Ты так много сделала для меня сегодня, Грэйс. – Он проводит кончиками пальцев вверх по моим бедрам, и кажется, что его прикосновение оставляет жаркий след. – Позволь, я сделаю так, чтобы эта поездка стоила потраченного тобой времени.

Он продолжает скользить руками все выше и выше, становясь с каждым дюймом мучительно близко к своей цели. Я откидываюсь на спину, желая... нуждаясь в его прикосновениях. Он склоняет голову и, дразня, проводит языком вдоль моего клитора через ткань трусиков, и я издаю стон. Затем он пробегает пальцами вдоль пояса, а

после

по краю кружева, все ниже, и ниже, и ниже, в итоге лишь едва скользнув по моей сердцевине. Я прикрываю глаза, но вместо того, чтобы дать мне больше, он тянется вверх,

подхватывает меня за попку и одним махом рвет мои трусики, от чего я шумно вздыхаю. Сент-Клэр проводит языком по моей талии, оставляя поцелуи на всем пути вниз к моим бедрам, вдоль тазовых костей, все ниже и ниже. Мое тело томится в ожидании большего. Он протягивает руку и ласкает мою грудь, поигрывая пальцами с сосками. Я так сильно его хочу, что кажется, будто каждая клеточка в моем теле готова взорваться.

Он вздыхает, опалая меня своим теплым дыханием, и касается лишь самым кончиком своего влажного языка моего пульсирующего клитора, так медленно, что я готова закричать.

– Господи... – задыхаюсь я.

Он снова проводит языком с большим нажимом, а затем снова, сильнее, и удовольствие волнами накатывает на меня, пока я не выгибаю бедра ему на встречу.

Он

рычит, удерживая меня на месте, пока я извиваюсь под ним. Я смотрю на звезды, в то время как его горячий язык скользит по мне вверх-вниз, все напористей и быстрее, быстрее, быстрее, глубже.

– Чарльз, – шепчу я.

Он стонет в ответ, его язык неустанно подводит меня к краю.

Я не кричу, хотя мне и хочется, когда достигаю вершины, и по моему телу пробегают потоки чистейшего взрывного блаженства, мои ноги дрожат, пока я успокаиваюсь.

После этого Сент-Клэр приглашает меня остаться в его комнате, которая в два раза больше, чем вся моя квартира.

– Не возражаешь, если я заскочу в душ? – спрашивает он, пока я впитываю взглядом роскошную обстановку. – Можешь присоединиться... – добавляет он, притягивая меня ближе и целуя в плечо.

– Скоро буду, – говорю я, растворяясь в его объятиях. – Хочу лишь проверить свои сообщения, на случай если Мэйси прислала мне какие-то файлы.

– Такая прилежная, – усмехается он и направляется в ванную, однако успев предварительно шлепнуть меня по попке.

49

N.A.G. – Переводы книг

Я смеюсь. Слышу, как в душе начинает шуметь вода, и нахожу свой телефон. Пришло несколько рабочих мейлов, но ничего срочного, так что вместо этого я осматриваюсь. В комнате фотографии Сент-Клэра и его родителей из Парижа, Рима, Нью-Йорка, его

мама всегда улыбается, а отец бесстрастен. На одной из полок стоят конные трофеи – похоже,

Сент-Клэр особенно хорош в прыжках – и бейсбольный мяч с автографом Марка Макгвайра.

Я задаюсь вопросом, каково это – вырасти с таким количеством денег, и стоящая ли

это замена любви и поддержке родителей. Я так не думаю, и вновь возвращаюсь мыслями

к Сент-Клэру, к его холодному на эмоции взрослению.

Когда я прохожу мимо его стола, замечаю чертежи, полуприкрытые другими бумагами. Он что-то конструирует? Отодвигаю в сторону несколько счетов за семейный особняк и выуживаю весь чертеж. Он похож на музей.

Смотрю в сторону ванной, чтобы удостовериться, что Сент-Клэр по-прежнему плещется, и приглядываюсь получше.

Это ограбленный музей в Сан-Франциско. На нем указаны выходы, камеры безопасности, все, что требуется, чтобы проверить крупное ограбление.

Мое сердце замирает.

Если Сент-Клэр действительно тот мужчина, которого я описала Ленноксу, мужчина, которым, как я верю, он является, то зачем, черт возьми, ему эти чертежи?

Стелла Лондон

Искусство и Любовь # 2

Глава 11

– Грэйс? Алло? Земля вызывает Грэйс... – Пэйдж машет рукой у меня перед лицом.

– Хмм, что? – поднимаю на нее взгляд.

Пэйдж закатывает глаза.

– Очнись уже. Что с тобой сегодня? – спрашивает она. – Все-таки потеряла голову от мистера Совершенство?

Мы обедаем в небольшом кафе недалеко от моей квартирке в Ноттинг Хилл, сидя за маленьким и немного неудобным, но милым металлическим столиком со стульями и попивая кофе, который в состоянии выбить вас из собственных носков в любое время дня,

но все же он не может отогнать мои волнения.

– Я просто думала о работе, – лгу я. Правда в том, что я просто не могу выкинуть из головы те чертежи и телефонный разговор Сент-Клэра. Прошло уже пару дней, как мы вернулись из Сассекса, и все, что я делала все это время – прокручивала ситуацию в своей

голове миллион раз, стараясь придумать разумное объяснение, которое не включало бы в

себя грандиозное ограбление и незаконные сделки.

Пэйдж внимательно меня изучает.

– Ты уверена, что все в порядке? Ты можешь мне рассказать, ты же знаешь. Что бы это ни было.

– Знаю.

Но я чувствую вину, что не могу поделиться с ней, только не этим. Пэйдж одна из тех, кто расследует кражу в «Кэррингс», это означает, что если Леннокс прав, Сент-Клэр дурачил нас всех. Хотелось бы мне иметь больше информации. Что, если это ничего не значит? Или хуже того: что, если значит?

– Я просто ощущаю давление из-за важности принятия этого решения для художественной выставки. – Ненавижу лгать ей, но не вижу другого выхода.

– Ты справишься, – ухмыляется Пэйдж. – Но я могу говорить об искусстве весь день, достаточно мне вернуться в офис. Хочется послушать о сексуальных выходных за городом.

Я смеюсь.

– Ну конечно, ведь напряжение от кошмарной семейки так поднимает настроение.

– Должно быть, это сработало, потому что ты вся... светишься. – Пэйдж щурится. –

Пожалуйста, скажи, что ты решила отказаться от этой «сугубо профессиональной» фигни

и ковала железо пока горячо.

– Возможно... – чувствую покалывание желания от воспоминаний о его руках, его языке... Я вздыхаю. – Я старалась удержаться в рамках профессиональных отношений, правда старалась.

– Ой, я не виню тебя. На самом деле я бы даже рассердилась, если бы ты не воспользовалась случаем. – Пэйдж помешивает свой кофе. – Расскажи мне все.

– Леди никогда не целуется и не обсуждает свою интимную жизнь, – усмехаюсь я.

– Предательница, – показывает мне язык Пэйдж. – Мне нужно опосредовано жить через тебя. Все, чем я занималась эти дни, так это работала. – Она устало вздыхает.

– В страховой все так же суетно? – спрашиваю я. – Какие-нибудь новые следы?

– Ни единого. Обычно на этом этапе мы уже оплачиваем чек и двигаемся дальше, но власти не позволяют этому случиться. Этот парень, Леннокс, настойчивый. И настырный. И вроде как горяч... – Пэйдж прикусывает губу. – А ты что думаешь?

– Он... милый, наверно. – Вновь чувствую себя виноватой за то, что так много скрываю от нее, но мне нужно точно знать, что Леннокс говорит другим о Сент-Клэре. – Он не предоставил каких-нибудь подозреваемых? – аккуратно интересуюсь я.

– Не особо. Просто сказал, что думает, это кто-то в поисках острых ощущений, а не наживы. – Пэйдж приглаживает свои волосы. – Сент-Клэр все еще расстроен из-за своего

пропавшего шедевра? Он ведь не потерял деньги, верно?

– Нет, деньги потерял «Кэррингерс», – рассеяно говорю я. Сент-Клэр никогда не сделал бы этого ради денег, в этом Леннокс прав. Их у него более чем достаточно. Но это

по-прежнему не имеет смысла: не могу представить, чтобы Сент-Клэр рисковал всем лишь ради мимолетного кайфа.

Или, может, я не права, и на самом деле совсем его не знаю.

– Грэйс?

51

N.A.G. – Переводы книг

Я вынырываю из своих размышлений. Пэйдж закатывает глаза.

– Я снова это сделала, да? Прости, что отвлеклась.

– Хорошо что я так сильно тебя люблю, – подмигивает она.

– Я тоже тебя люблю, – мое чувство вины растет. Ненавижу скрывать что-то, особенно от лучшей подруги. – Я не заслуживаю такой подруги, как ты.

После обеда я возвращаюсь в офис Сент-Клэра – мой офис – и пытаюсь сосредоточиться на работе. Пролистываю художественные работы финалистов,

которые

выбрала для шоу Лондонского колледжа изобразительных искусств – смесь работ художников, наделенных классическим талантом, и смелых авторских работ – и я довольна своим выбором. Думаю, шоу будет иметь успех. Я стараюсь прочувствовать верность выбора нутром и следовать своим инстинктам, куда бы они меня не завели,

даже

если это каменистый путь. Знаю, что некоторые из пожилых членов совета могут быть удивлены моим выбором относительно некоторых работ, но также знаю, что это студенты, которые заслуживают того, чтобы быть выставленными.

Сделав окончательный выбор, я вновь переносу внимание на свою основную работу и невероятные картины европейских художников, которые могу представить в коллекции Сент-Клэра. Звоню Мэйси в Сан-Франциско и прошу расписание Сент-Клэра, чтобы мы могли организовать несколько показательных просмотров. Мое настроение улучшается при одной мысли об этом.

– Все готово, – говорит она по телефону. – Я открыла вам доступ к его календарю, в нем должно быть все.

– Спасибо и... доброе утро, – добавляю я, вспомнив о разнице во времени.

Кликаю на расписание и открываю таблицу, в которой указаны предстоящие художественные выставки и приемы в галереях, время присутствия того или иного художника в городе или частных показов, что они, по слухам, устраивают в

определенных

местах. Было весело узнавать это, звонить и быть на гребне волны международной арт-сцены.

Я просматриваю список, стараясь понять его сложный календарь. В нем различные цветовые коды путешествий, деловых приемов, личных встреч – за несколько лет.

Я замираю. Все его прошлые поездки и встречи вот тут, в его расписании. Если Леннокс прав, то эти даты совпадут с другими кражами. Я могу все проверить прямо сейчас, но в какой-то степени это кажется предательством. Словно я допускаю, что обвинения могут быть обоснованными.

Я разрываюсь. Нужная мне информация находится буквально у меня в руках, и тем не менее я не могу заставить себя проверить. А что, если Леннокс прав?

А если он не прав – и ты можешь это доказать, – приводит доводы внутренний голос. Если расписание Сент-Клэра не совпадает с ограблениями, то этого

свидетельства

для меня достаточно, чтобы отбросить безумные теории Леннокса и жить дальше.

Я не могу больше теряться в подозрениях и неуверенности. Мне нужен ответ.

Мое сердце пускается вскачь, пока я просматриваю информацию за прошедший год.

Леннокс упоминал ограбление в Брюсселе, и я быстро задаю его в поисковике Гугла.

Появляются детали этого преступления: восемнадцатое мая, Брюссель. Золотые

слитки

похищены из хранилища, подозреваемых нет, свидетелей нет.

Я возвращаюсь к расписанию Сент-Клэра, мои пальцы порхают по клавишам, но я дрожу. Этим я пересекаю черту? А как же доверие и презумпция невиновности?

Именно поэтому мне и нужно это сделать – чтобы сработала презумпция

невиновности, доказать раз и навсегда, что он не мог сделать того, в чем обвиняет его

Леннокс.

Мой пульс ускоряется. Я сверяю календарь.

С десятого по двадцатое мая – Бельгия. Встреча с новым инвестором, посещение технической лаборатории, встреча с местными бизнес-лидерами.

Брюссель.

Мое сердце екает, но я стараюсь не обращать на это внимания. Это может быть совпадением.

Стелла Лондон

Искусство и Любовь # 2

Я проверяю другие даты. Кража алмазов в Монако. Редчайшее произведение искусства

украдено в Рио. И каждый раз командировки Сент-Клэра совпадают с ограблениями. Он

был в тот момент в стране, каждый раз с идеальным прикрытием.

Я смотрю на экран, не веря своим глазам. Мое сердце по-прежнему говорит, что это неправда, что это какая-то ошибка, но факты не лгут.

Все сходится. Сент-Клэр и ограбления. Они связаны.

Чувствую, как грудь простреливает болью.

Как я могла быть такой наивной? Так верила Сент-Клэру, а он все это время врал мне в лицо.

Все это ложь.

Я не знаю, что делать. Тянусь к своей сумочке и отыскиваю визитку Леннокса.

Руки трясутся, пока я набираю номер. Он отвечает после первого же гудка:

– Грэйс, я надеялся, что вы позвоните. Чем могу быть полезен?

Я сглатываю, еле сдерживая слезы:

– Думаю, нам надо поговорить.

53

N.A.G. – Переводы книг

Глава 12

Я не спала всю ночь, вертясь и ворочаясь часами, а когда мне все же удалось задремать,

приснился Сент-Клэр. Однако в отличие от обычных эротических снов, этот больше походил на кошмар: я бежала за ним по длинной дороге, звала его по имени, но он так ни

разу и не повернулся. Я проснулась с ощущением утраты и абсолютного ужаса. Никакой

консилер не смог бы замаскировать круги у меня под глазами, но мне нужно идти в офис

и притворяться, что все нормально, по крайней до тех пор, пока я не пойму, что мне делать дальше.

Я назначила встречу с Ленноксом на час дня, и минуты тянутся болезненно медленно.

Пытаюсь как обычно сконцентрироваться на работе, составляя расписание Сент-Клэра и

делая звонки, чтобы организовать предстоящие просмотры, но могу думать лишь о том, что обнаружила. Планы путешествий, даты других ограблений... Все улики указывают

на

то, что Сент-Клэр преступник, но единственное, чего я не могу понять – *зачем?* Зачем красть то, что он может с легкостью себе позволить? Зачем рисковать загреметь в тюрьму из-за... чего? Я не купилась на мотивацию Леннокса, что это «ради острых ощущений». Сент-Клэр получает удовольствие от риска, да, но всегда с какой-то целью. Чего ему хотеть от тех картин, которые он не смог бы выставить или наслаждаться ими? – Смотришь на прекрасное произведение искусства? – заглянул в мой офис Сент-Клэр. Я подсакиваю и захопываю ноутбук. Он совершенно расслабленно улыбается мне. –

Ты

такая милая, когда концентрируешься на чем-то.

Я выдавливаю улыбку.

– Э-э... привет, – запинаясь я. – Всего лишь в четвертый раз перепроверяю список для художественного шоу студентов. – Мои руки трясутся, так что я кладу их на колени.

Мне

ненавистно так лгать.

Он улыбается.

– Уверен, что это идеальный выбор.

Ну вот, он снова меня поддерживает. Я чувствую себя еще хуже из-за того, что сдаю его

полиции, что подозреваю его в первую очередь. Боже, а если я ошибаюсь?

– Я просто заглянул узнать, могу ли сводить тебя на ланч. Ты свободна? – Он

одаривает меня белоснежной улыбкой, и его ямочки действуют на меня как атака с двух

фронтов, мое сердце екает в груди. Мне так отчаянно хочется согласиться.

– Прости, но я не могу, – снова лгу я. – У меня планы на ланч с Пэйдж.

– Это уже становится твоим регулярным ритуалом.

Дерьмо! Я забыла, что сказала ему про вчерашний ланч. Стараюсь выкрутиться.

– Ну, ты же знаешь нас, девчонок – мы просто не можем наговориться! – Сент-Клэр озадаченно смотрит на меня. *Блин, Грэйс, оставайся спокойной.* Перевожу дыхание: – Я

так давно не проводила с ней время, понимаешь? И очень по ней соскучилась.

Его лицо смягчается:

– Я понимаю. Тогда в следующий раз обедаем вместе?

Я киваю:

– Однозначно. – *После того как я схожу на встречу с человеком, который хочет арестовать тебя и разрушить твою жизнь.* – Не могу дождаться, – проверяю часы. – Мне пора идти.

Встаю, чтобы уйти, но он ловит меня по дороге к двери и притягивает к своей груди.

– Может, вместо этого поужинаем сегодня вечером? – говорит он, и я вижу в его глазах желание. Он очерчивает пальцем контур моих губ, и я не могу не растаять от этого.

Мой разум, возможно, мечется и разрывается, но у тела нет никаких сомнений.

Он целует меня, и я, не удержавшись, целую его в ответ.

Чувство вины, что я испытываю, тяжелее каменной статуи.

Отправляюсь на встречу с Ленноксом по адресу, который он мне дал: паб «Грин Фрог» в Сохо. Им оказывается похожий на старомодный маленький английский бар, весь в

дереве и с флагами снаружи, в отличие от претенциозных и современных местечек по соседству. Держу пари, именно поэтому Леннокс его и выбрал – не так уж много народа

станет свидетелями секретного полуденного разговора.

Мое сердце колотится, когда я вхожу в двери паба. Не уверена, что у меня есть готовый план действий, но ясно одно – я должна узнать больше. С Ленноксом будет сложно иметь

Стелла Лондон

Искусство и Любовь # 2

дело, но я напоминаю себе, что ему нужна моя помощь. Он не знает о календаре Сент-Клэра, и мне не нужно упоминать о нем до тех пор, пока не буду полностью уверенной. В пабе царят полумрак и тишина. Я обнаруживаю Леннокса сидящим в маленькой задней комнате. В ней никого нет, за исключением двоих мужчин, тихо и сосредоточенно

разговаривающих за одним из столиков.

– Такое чувство, что мы в фильме про гангстеров, – говорю я, присаживаясь за столик.
– Вы точно коп? – шучу, хотя на самом деле очень нервничаю. Я выскользнула из офиса тайком, хоть и была уверена, что Сент-Клэр меня не преследовал. Такое чувство, что я делаю что-то постыдное, будто мне следует притаиться и скользнуть в тень под покровом

темноты.

Губ Ника касается легкий намек на улыбку.

– Я подумал, что вам будет более удобно в каком-нибудь непримечательном месте.
– Ладно, – я дергаю ногой, не зная, что сказать, вся переполненная нервной энергией. Леннокс какое-то время изучает меня, а затем произносит:
– Вы что-то обнаружили, не так ли?

Я перестаю трястись и вскидываю на него взгляд.

– Нет. – Черт! Мне действительно надо поработать над умением оставаться спокойной под давлением. – Я просто хочу узнать побольше о деле. – Заставляю себя успокоиться.

–
Вы разбрасываетесь серьезными обвинениями. И если это Сент-Клэр, то меня тоже могут
признать виновной. Как соучастницу или типа того. Мне нужно знать, с чем я имею дело.

Ник кивает. По крайней мере сейчас он, похоже, мне верит.

– Я знал, что вы неглупы, – говорит он. – Вы правы, вам нужно подумать о себе. Вы можете оказаться соучастницей его преступлений, даже не осознавая этого, что может вовлечь вас в большие неприятности. Если, конечно, вы не будете сотрудничать. Я могу помочь вам и заключить сделку.

– Вы имеете в виду свидетельствовать против него? – Мой желудок ухает вниз. – Но я же вам сказала, что ничего не знаю.

Во всяком случае ничего конкретного.

– Вы не можете знать наверняка, – склоняется вперед Ник. – Нам нужно пройти по всему, что вы видели и слышали, с тех пор как с ним встретились. Должно быть что-то, что вы упустили. Расскажите мне, что вы знаете. Это единственный способ вызволить

вас

из этой заварушки.

Я с минуту изучаю его. Он выглядит таким нетерпеливым.

И в этот момент я понимаю: это не мне нужна помощь, а ему.

– У вас ведь ничего нет на него, не так ли?

Ник хмурится.

– Я знаю, что он виновен.

– Но этого недостаточно для того, чтобы арестовать его или иметь хоть малейший шанс выиграть дело в суде. – Я откидываюсь на спинку, чувствуя, что лучше

контролирую

себя. – У вас ничего нет.

Леннокс в свою очередь откидывается на кожаном сиденье и проводит рукой по своей щетине. Он едва пожимает плечами, будто решив, что ничего не случится, если он поделится чем-то со мной.

– Ладно, Грэйс, дело вот в чем. Я проверил его командировки, и даты совпадают. Знаю, что Сент-Клэр был в каждом городе, где были украдены произведения искусства, примерно в то же время, когда происходили ограбления.

Я чувствую странное облегчение. Если Леннокс уже знает об этом, то мне не нужно говорить ему этого... или предавать Сент-Клэра. Но затем меня осеняет – все же у Леннокса есть кое-какие улики.

Он наблюдает за моей реакцией.

– Вы не кажетесь удивленной.

– Сент-Клэр много путешествует. Как и многие другие бизнесмены высокого ранга, – говорю я, стараясь сохранять спокойствие. – Держу пари, у десятка людей поездки приходится на те же даты.

– Но Сент-Клэр подходит по психологическому портрету, – упрямо говорит Леннокс. – Этот парень во всем нарушает правила. Посмотрите на его семью, его воспитание. Его

55

N.A.G. – Переводы книг

наказывали за нарушение строгих правил отца, и теперь он не будет играть по чьим-либо

правилам, включая установленный закон.

– Многие росли со строгими родителями. – Я понимаю, что защищаю его, хотя сама даже не знаю, почему.

– Да, но объедините это с его потребностью побеждать, получать все, что он пожелает...

– Леннокс пожимает плечами. – Его профиль говорит сам за себя. У него есть мотив, есть

средства, и мы можем доказать, что у него была и возможность. Множество возможностей.

– Так, судя по вашим словам, всем богатым людям, воспитанным властными отцами, суждено стать преступниками-белыми воротничками?

Он пожимает плечами:

– Не всем. Но он безусловно такой.

Мой мозг бешено работает. Леннокс не сказал мне ничего, чего бы я ни знала – и все

его улики пока косвенные. Совпадение. Этого явно недостаточно, чтобы убедить жюри присяжных. Это значит, что он даже близко не подошел к аресту Сент-Клэра.

Почему я чувствую облегчение от этого?

– Я слышу лишь кучу теорий и ни одной явной улики, – говорю я ему, хотя все это и кажется мне довольно убийственным.

– Вот тут-то и вступаете вы. – Он наклоняется вперед, взгляд его карих глаз напряженный и острый. – Преступники с карьерой Сент-Клэра хороши и умны. Их трудно поймать. Даже так вам скажу – мне нужен прорыв в этом деле, иначе я его проиграю. Это правда. Рано или поздно он совершит ошибку, но к тому времени мои боссы будут уже заняты другим грабителем.

– Может, вам удастся поймать следующего.

– Я поймаю этого, – клятвенно заверяет Леннокс. – Вы можете близко подобраться к Сент-Клэру, Грэйс. Мне нужно, чтобы вы раздобыли необходимые нам обоим доказательства.

– Вы хотите, чтобы я за ним шпионила? – Это уж слишком. – Я не предам его вот так просто.

– Это не предательство! Вы привлечете его к уголовной ответственности. – Леннокс оглядывается по сторонам, чтобы убедиться, что нас никто не слышит.

– Но что, если он невиновен? – Я все еще надеюсь, что это так. Он должен быть невиновным.

Леннокс ухмыляется, будто знает, что я хватаюсь за соломинку.

– Что ж, тогда вы не найдете никакого компромата, разве нет? И мне придется двигаться дальше. Все в выигрыше.

А он хорош. Я между двух огней: если скажу ему катиться к черту, то рискую получить обвинение как соучастница в преступлениях Сент-Клэра, либо придется шпионить за небезразличным мне человеком, чтобы доказать его невиновность.

Но я напоминаю себе, что не обязана играть в игры Леннокса. Я могу выторговать себе немного времени и выяснить, как мне стоит поступить дальше.

– Мне не следовало сюда приходить, – говорю я, вставая со стула. – Мне нужно идти. Леннокс вздыхает.

– Он виновен, Грэйс. Поверьте мне, он стоит за этими ограблениями.

В том то все и дело, я ему не верю. Не уверена, что полностью доверяю в этот момент и Сент-Клэру, но я верю своим чувствам, когда мы вместе, верю, что его сладкие ласки подлинные, его щедрость – не прикрытие для скрытых мотивов.

– Иногда инстинкты обманывают, – отмечаю я.

– Определенно, так и есть, – произносит он, в то время как я направляюсь к выходу.

Выйдя из паба, я прогуливаюсь по мощеной дорожке, которая вьется вдоль Темзы, наблюдаю за водоворотами серых вод у набережной. Мой мозг всю работу, пытаюсь

найти выход из ситуации.

Ошибка ли верить в Сент-Клэра? Верить в мужчину, рядом с которым я чувствую себя особенной и защищенной, который смешит меня и заставляет мои коленки слабеть, в мужчину, который верил в меня с самого начала, даже когда никто больше этого не

Стелла Лондон

Искусство и Любовь # 2

делал? Вся эта сказочная история работы-тире-романа казалась слишком чудесной, чтобы быть правдой с самого начала, но теперь может стать реальностью.

Мимо проходит пара, держась за руки и прижимаясь друг к другу, совершенно не обращая внимания на окружающий мир, и, несмотря ни на что, мне хочется, чтобы

Сент-

Клэр был сейчас рядом со мной. Мне хочется быть рядом, чтобы вместе наблюдать за бликами солнечного света, отражающегося на поверхности темных вод, чтобы наслаждаться прохладным воздухом, холодящим нашу кожу, чтобы прогуливаться

вдоль

реки, держась за руки. Именно у него мне больше всего хочется попросить совета обо всей

этой ситуации, с ним мне хочется проводить все свое время, чем бы я ни занималась. И тут меня осеняет, почему я честно не рассказала Ленноксу о своих подозрениях или не согласилась на его предложение шпионить за Сент-Клэром в поисках улик. Несмотря на все происходящее, я по-прежнему хочу защитить Сент-Клэра. Быть с ним – и показать ему те же веру и доверие, которые он показывает в отношении меня. Ничего не могу с этим поделать. Я влюбилась в него.

57

N.A.G. – Переводы книг

Глава 13

Следующие три дня я чувствую себя шпионом, разрываясь между словами Леннокса и собственным растущим чувством к Сент-Клэру. Стараюсь отвлечься от битвы разума с сердцем, проводя долгие часы в арт-студии, но несмотря на кисти, краски и мольберты,

о

которых я когда-то могла только мечтать, моя картина кажется созданной насильно.

Наполнив несколько холстов абстрактными цветами (синими тонами, очень похожими

на

оттенок глаз Сент-Клэра), я сдаюсь и трачу свое свободное время на прогулки по округе,

погрузившись в свои мысли.

Отчасти мне хочется позвонить Ноне и спросить совета, признать, что я в какой-то степени потеряла голову. Но покидая ди Фиорес, я вся была в предвкушении и радости

от

предстоящего путешествия. Последнее, чего мне хочется, чтобы они беспокоились за меня, находясь в Сан-Франциско, или хуже того – разочаровались в моем решении приехать сюда, в моем решении погрузиться в отношения с Чарльзом. В итоге решаю подождать развития событий – я не готова сделать шаг, пока не узнаю больше.

Тем временем я наблюдаю за подозрительными или выходящими за рамки обычных действиями Сент-Клэра, но не замечаю ничего, что насторожило бы меня. Тем более он еще идеальней, чем когда-либо: планирует для меня короткие экскурсии по городу, устраивает сюрпризы в виде романтического ужина или букета роз, ведет себя еще

более

открыто и ласково, чем когда-либо.

Он милый, очаровательный, сексуальный, веселый парень, в которого я влюбилась... и

все же уверенность Леннокса и то, что я видела, вынуждают меня продолжать задаваться

вопросом о мотивах Сент-Клэра. Насколько хорошо я на самом деле знаю его? Если я останусь рядом, рискну своим сердцем, что будет со мной, если я ошибаюсь?

Возможно ли любить мужчину, который может быть преступником?

– Готова? – одетый в смокинг Сент-Клэр поднимает руку, чтобы помочь мне выйти из кэба. Сегодня ночь большого шоу-показа в Лондонском колледже изобразительного искусства. Слышу приглушенный смех и разговоры, а также звуки джазовой музыки с вечеринки, но нервничаю. Работы художников, которые я выбрала для сегодняшнего вечера, отразятся на Сент-Клэре. В конце концов он патрон, и мне не хочется его подвести.

Делаю глубокий вдох и выдох, следуя совету мамы, чтобы снять стресс, и улыбаюсь ему:

– Готова.

Вместе мы ступаем в огромную главную залу галереи колледжа. Сегодня в ней выставлены работы студентов, которые я отобрала. Полотна, скульптуры и смешанные работы разложены, расставлены или развешаны на подсвеченных стендах по всей зале, и

я испытываю гордость за многообразие искусства.

– Никто не кричит в негодовании из-за какого-нибудь из выбранных тобой вариантов, это уже хороший знак, – шепчет Сент-Клэр. Знаю, что он меня поддразнивает.

– Может, они просто вежливо себя ведут, ожидая завершения канapé, прежде чем поднять бунт.

Сент-Клэр посмеивается и ведет меня в толпу. Это хорошо одетая смесь лондонского общества и людей, известных в мире искусства.

– Уже вижу заголовки газет: «Скандал в школе искусств!»

– Прекрати! – Я игриво хлопаю его своим клатчем, отделанным бисером. – Я и так нервничаю!

Он сжимает мою руку и чуть склоняет голову, чтобы оставить легкие поцелуи на моей щеке:

– Тебе не о чем волноваться. Просто расслабься и наслаждайся плодами своих трудов. Они любят их.

Мы передвигаемся по комнате, просматривая финальные работы студентов в их полном размере. Некоторые мне не довелось увидеть во всем величии их полного масштаба. Например, двенадцатифутовую скульптуру Голиафа, приподнявшего ногу, чтобы раздавить трехфутового Давида, в ужасе бросившего пращу на землю, или смешанную медийную инсталляцию, которая включает в себя часть уборной. Я осматриваюсь по сторонам, по-прежнему нервничая, но, похоже, все наслаждаются искусством и хорошо проводят время.

Стелла Лондон

Искусство и Любовь # 2

Пока никаких недовольных выкриков.

– Поздравляю, – говорит Сент-Клэр каждому студенту, когда мы останавливаемся и изучаем их работы. Он представляет им меня и более детально беседует об их работах. Явно видно, что он изучил все файлы, которые я ему передала, и теперь задает им

замечательные вопросы, вовлекая в разговор об их страсти.

Я люблю эту часть. Так забавно наблюдать художников в их стихии, объясняющих их эстетический выбор, их идею и процесс претворения этих задумок в жизнь. От этого

мне

тоже хочется вернуться в эту среду, нарисовать что-то достойное, чтобы быть выставленным, достойное того, чтобы о нем говорили. Мне хочется вновь почувствовать эту увлеченность созданием чего-то.

Сент-Клэр заботится о том, чтобы пожать руку каждого студента, прежде чем перейти дальше, и помогает всем, включая меня, почувствовать себя в своей тарелке. Он харизматичный и восхитительный как обычно, и женщины весь вечер находят способы прикоснуться к нему, хлопая его по руке или плечу, комментируя его костюм, его волосы.

Одна женщина осмелела настолько, что говорит вариацией на ту же тему, что и другие: – Ваш костюм выглядит так обольстительно. Из чего он сделан? – за тем исключением, что проводит рукой по его бедру, якобы пытаюсь это выяснить. Ему удается удержать бесстрастное выражение лица и незаметно убрать руку, поблагодарив ее за комплимент.

– Нам нужно идти дальше, – говорю я спокойно, оттаскивая его в сторону. Оказавшись вне зоны слышимости, оба посмеиваемся.

– И я еще думала, что вы, британцы, очень сдержанные, – смеюсь я.

Он ухмыляется:

– Очевидно же, что она не может противостоять чему-то хорошему.

– Настолько непритязательный? – я легонько ударяю его ладонью по руке, но он перехватывает ее и смотрит мне в глаза.

– Ты же знаешь, я несвободен, – говорит он низким голосом, и буря эмоций в его взгляде захватывает дух. – Мои глаза смотрят только на тебя.

Мое сердце воспаряет. Я смотрю на него ошеломленная... и охваченная чувством вины за то, что скрываю от него секреты.

– Мистер Сент-Клэр? – нас прерывает президент колледжа. Сент-Клэр отпускает мою руку. – Мы готовы всех поприветствовать, если вы не против последовать за мной. Мы все

с нетерпением ждем вашей речи.

– Конечно.

Мы идем к сцене, расположенной в задней части комнаты. Президент представляет его

как важного спонсора школы и мецената сегодняшнего мероприятия. Сент-Клэр поднимается на подиум под нескончаемые аплодисменты. Я смотрю по сторонам и вижу

на лицах людей уважение и восхищение. Думаю о том, как Сент-Клэр рос в том холодном

доме, не получая ничего, кроме критических замечаний. Видел бы только его отец, как высоко ценят его сына.

– Спасибо, – начинает Сент-Клэр, когда аплодисменты стихают. – Для меня это особенный вечер, его причина дорога моему сердцу. – Он отыскивает меня глазами и удерживает мой взгляд, делая паузу, а затем снова смотрит на толпу.

– Я знаю, что значит иметь мечту – хотеть чего-то так сильно, что буквально ощущать это на вкус, но не иметь возможности прикоснуться. И мероприятия вроде этого показа позволяют войти этим художникам в мир, где мечты становятся возможностями. Даря огромный стимул всем студентам, которые находятся здесь сегодня – участвуют они в показе или нет – следовать своей страсти. Не бойтесь рисковать, может, даже разбить парочку сердец, – раздаются смешки, – но будьте честны с собой. Гораздо больший риск

стараться стать кем-то другим. Искусство – это подлинность, и только вы знаете свое сердце.

Его глаза на мгновение вновь встречаются с моими, а затем он отводит взгляд.

– Я очень рад, что могу немного посодействовать будущему подлинному самовыражению, творчеству и тем молодым художникам, которые находятся здесь сегодня. Пусть ваше будущее будет плодотворным. Большое спасибо.

Он спускается со сцены под еще большие аплодисменты, и я так горжусь, что он помогает началу карьеры этих художников, и горжусь тем, что являюсь частью его компании, которая совершает такие хорошие дела, отдавая дань арт-сообществу. Я

59

N.A.G. – Переводы книг

смотрю по сторонам, вижу сияющие лица студентов и с полной уверенностью могу сказать, что сегодня в их жизни благодаря нам наступил переломный момент. Это такое

восхитительное чувство.

После художественного показа водитель Сент-Клэра везет нас по живописному маршруту вдоль Темзы. Я смотрю в окно, замороженная палитрой красочных огней: подсветкой старых зданий, радужными переливами «Лондонского глаза», 17 его меняющимися насыщенными цветами, похожими на световое шоу в планетарии.

– Ты хорошо провела сегодня время? – спрашивает Сент-Клэр, берет меня за руку и сжимает.

– Я всегда хорошо провожу с тобой время. – Я понимаю, как банально звучит мой ответ, и морщусь, но он, похоже, не возражает.

– Я тоже всегда хорошо провожу с тобой время, – отвечает он тихо. Всю оставшуюся часть пути он кажется задумчивым, особо не разговаривая, пока мы не возвращаемся назад в его квартиру. Там Сент-Клэр открывает бутылку вина, и мы устраиваемся на диване.

– За еще один успешный опыт, – произносит он тост, поднимая свой бокал.

– За показ, – соглашаюсь я, касаясь его бокала своим.

Он делает глоток, все еще оставаясь погруженным в свои мысли. Интересно, что творится в его голове. Я начинаю нервничать. Не привыкла к такому его поведению – только если что-то не так.

Что, если он знает о моей встрече с Ленноксом?

У меня обрывается сердце. Дерьмо. Если ему известно о тайных встречах, он может решить, что я его предаю. Но разве не это я и делаю, продолжая рассматривать возможность того, что именно он является главным преступником, которого подозревает

Леннокс?

Я сижу в ожидании, мое сердце стучит все быстрее, пока, наконец, Сент-Клэр не отставляет свой бокал и не устремляет на меня прямой взгляд. Под влиянием этой ночи

взаимных поддразниваний, веселья всю дорогу до дома – энергия между нами разгорается все сильнее, но теперь я чувствую себя неуютно от его близости.

– Ого, ты выглядишь серьезным. Мне стоит беспокоиться?

Он улыбается мне – не яркой широкой улыбкой, которой одаривал всех весь сегодняшний вечер, – а какой-то приватной и искренней, предназначенной только для меня.

– Ты делаешь меня счастливым, Грэйс.

Я сглатываю. Это что, речь перед разрывом или из серии «я знаю, что ты встречалась с федералами за моей спиной»?

– Я не часто подпускаю к себе людей, – продолжает он. – Ну, скорее даже никогда. Просто так проще быть сконцентрированным на бизнесе, отделяя личную жизнь от профессиональной.

О, боже, это речь перед расставанием. Я чувствую боль в груди, и мне приходится прикусить губу, чтобы сдержать подступившие слезы.

– А затем появляешься ты. И все, что я, казалось, знал улетучивается. – Сент-Клэр смотрит на меня, и от нежности, плещущейся в его глазах, у меня перехватывает дыхание.

– Грэйс, ты не похожа ни на кого из тех, что я встречал раньше. Я никогда не видел такой

энергии, такой силы, такой страсти по отношению к искусству и окружающему тебя миру.

Ты не позволила обстоятельствам сломить себя, продолжила бороться за жизнь, о которой мечтала. Ты веришь в лучшее в людях. В лучшее во мне.

Он опускает руку под журнальный столик и достает длинную черную бархатную коробочку с серебристым бантиком. Я ошеломленно смотрю на нее.

– Думаю, мне просто хотелось показать, что ты для меня значишь, – пристально смотрит на меня Сент-Клэр, – и когда я увидел это, то сразу понял, что оно должно принадлежать тебе.

Он протягивает мне коробочку. Дрожащими пальцами я развязываю бантик и поднимаю крышечку.

О, боже мой.

17 Колесо обозрения.

Стелла Лондон

Искусство и Любовь # 2

Передо мной невероятное бриллиантовое ожерелье: идеальный каплевидный кулон, нанизанный на великолепную золотую цепочку. Он совершенно потрясающий – и огромный.

– Сент-Клэр, – запинаясь я, – я не могу... это...

– Оно тебе не нравится? – он выглядит подавленным.

– Ты шутишь? Я обожаю его! Но это слишком, Чарльз...

– Ерунда, – он снова улыбается. – Оно идеально тебе подходит.

Сент-Клэр достает ожерелье из коробочки. Я разворачиваюсь и с колотящимся сердцем убираю волосы в сторону, пока он аккуратно застегивает ожерелье на моей шее.

Бриллиант, касающийся моей кожи, – такой блестящий и идеальный – без сомнений является самой красивой вещью, которую я когда-либо носила.

– Оно невероятное, – шепчу я, все еще ошеломленная.

Он наклоняется ближе и целует меня в плечо.

– Как и ты.

Меня охватывает трепет, чувствую, как жар от его прикосновения распространяется по моему телу.

Я поворачиваюсь и оказываюсь прижатой к нему. Он протягивает руку и очерчивает кончиками пальцев контур бриллиантового кулона, лаская мою ключицу. По коже пробегают мурашки, и когда я поднимаю на него взгляд, вижу, что его глаза сфокусированы на мне. Темные и сверкающие. Полunoчно-синего цвета.

– Я все сильнее влюбляюсь в тебя, Грэйс, – шепчет Сент-Клэр переполненным эмоциями голосом. – Я влюбился в тебя с первой встречи, когда ты пролила на меня

мой

кофе.

Такое чувство, будто нахожусь во сне. Слышу его слова, но их смысл не доходит до меня. Я все еще в шоке от ожерелья, от его признания, от того, как мое тело льнет к нему,

томясь по очередному дразнящему прикосновению.

– Скажи, что ты чувствуешь то же самое, – говорит Сент-Клэр, его голос становится настойчивей. Его рука скользит по моей обнаженной коже, лаская, соблазняя меня. По моей груди растекается тепло. – Если бы ты только допускала возможность полюбить такого человека, как я.

До меня доходят его слова, и это сносит мне крышу. Он думает, что это он не достоин? Я накрываю ладонью его скулу.

– Прекрати, Чарльз. – Называю его по имени, и от этого наша связь кажется интимней, чем когда-либо. – Ты не должен этого делать. Я тоже тебя люблю.

Улыбка медленно озаряет его лицо, на котором изумление сменяется пылкой страстью.

Он накрывает мой рот жадным поцелуем, наполненным жаром и стойкой одержимостью.

На этот раз я ни секунды не колеблюсь и всем телом устремляюсь ему навстречу, требуя прикосновения его кожи к моей. Я целую его шею, медленно расстегиваю рубашку, касаясь губами каждого миллиметра освобождающейся от одежды кожи, целую

грудь, медленно спускаясь к прессу. Стягиваю его рубашку и тянусь к ремню...

– Еще рано, – говорит он и одним легким движением поднимает меня, задирает мое платье и закидывает мои ноги вокруг своей талии.

– Ой. – Мое лоно оказывается тесно прижатым к нему, его растущая эрекция заставляет меня трепетать от нетерпения, когда он несет меня вверх по лестнице в спальню.

Он кладет меня на край кровати и проскальзывает пальцем под бретельку платья, стягивая ее с плеча. Оставляя поцелуи вдоль ключицы, тянется и расстегивает молнию

на

спине. Его руки находят мою обнаженную грудь, и я стону от усиливающейся нежной ласки, дразнящей мои заострившиеся соски.

Он отстраняется и снимает брюки, оставаясь передо мной в своей восхитительной наготы.

От его вида у меня перехватывает дыхание. Выточенное из одних мышц тело, которое может посрамить даже шедевры Микеланджело. Я впитываю гладкость его груди и кубики пресса, дорожка волос уводит мой взгляд к жесткой линии его идеального члена.

И теперь он мой.

Я тяну его на себя, жадно целую, в то время как наши тела сплетаются в эротическом танце, а бедра тесно прижимаются друг к другу. Ощущения от его жаркой кожи,

61

N.A.G. – Переводы книг

прижимающейся к моей, просто невероятны, а когда я касаюсь губами пульсирующей вены у него на шее, его знающие руки заставляют меня извиваться и стонать под ним, тяжело дыша у его уха. К моему удовольствию, он издает стон, и его пальцы проскальзывают у меня между ног, поглаживают, а затем проникают так глубоко в мою ноющую киску, что я вскрикиваю от переполняющих меня ощущений.

Я вся влажная и такая готовая. Боже, я нуждаюсь в нем.

Протягиваю руку, обхватываю его напряженную длину, вызывая у него очередной стон, на этот раз более низкий и утробный, и трепещу от осознания, что это сводит его

с

ума. Я дразню его, поигрываю до тех пор, пока не ощущаю, что его член пульсирует жаром в моих руках; до тех пор, пока его дыхание не становится прерывистым и он не убирает мою руку, вновь заводя мои запястья на подушку мне за голову.

Не отпуская рук и не разрывая контакта наших глаз, он входит в меня. Медленно, мучительно сладко, наполняя меня дюйм за дюймом, пока не оказывается полностью

во

мне, соединяя нас друг с другом.

– Грэйс, – стонет он.

Я издаю ответный стон, когда он начинает уверенно двигаться, с каждым его толчком у меня между ног пульсирует очередная волна жара.

Боже, да.

Я обхватываю его, выгибаю спину, чтобы глубже принять, и постанываю, испытывая ноющую боль; мне так хорошо, что, кажется, я сойду с ума. Мы находим свой ритм,

экстаз

становится все сильнее, и я растворяюсь в нем, отдавая всю себя без остатка.

Все мои сомнения улечиваются. Здесь и сейчас ничто не имеет значения, кроме нас двоих.

Его толчки ускоряются. Становятся резче. Глубже.

– Так хорошо, – стону я. Он наклоняется и прихватывает зубами мой сосок, посылая невероятные ощущения по моему телу.

– Грэйс, – стонет он, потирая большим пальцем мой влажный клитор и продолжая толкаться во мне. Это выше моих сил.

– Чарльз, – выкрикиваю я, запрокидывая голову, и меня настигает оргазм, накрывая с невероятной интенсивностью. Он вторит моим стонам, и я чувствую, как он разряжается, после чего расслабляется и успокаивается в моих объятиях. Я обнимаю его, пока не проваливаюсь в сон.

Когда просыпаюсь, на улице темно. Мое тело все еще урчит от удовольствия, от этого пронизывающего до самых костей удовлетворения. Я улыбаюсь, протягивая руку к Сент-Клэру, чтобы снова прижаться к нему. Но там никого нет. Постель пуста.

Стелла Лондон

Искусство и Любовь # 2

Глава 14

Куда он делся?

Я на минуту теряюсь, пытаюсь сориентироваться в темноте. Потом слышу, как Сент-Клэр перемещается по спальне. В тусклом свете различаю его силуэт в тени. Он открывает

ящики, одевается, но очень тихо – как будто не хочет меня разбудить.

– Да, все готово. Нет проблем, – шепчет он в свой телефон. – Буду там через двадцать минут.

Слышу, как он подходит к кровати, быстро закрываю глаза и лежу абсолютно неподвижно. Чувствую легкий поцелуй на лбу, а затем за ним тихо затворяется дверь.

Куда, черт побери, он отправился?

Я быстро выбираюсь из постели. Моя дорожная сумка все еще здесь после нашей поездки к его родителям, так что я натягиваю майку и джинсы, хватаю его пальто и надеваю поверх топа. На цыпочках спускаюсь по лестнице, слышу звук закрывшейся входной двери и жду десять секунд, прежде чем выглянуть наружу.

Он идет вниз по кварталу в сторону оживленной центральной улицы.

Я спешу за ним, придерживаясь тени. Знаю, что веду себя безумно, но не могу удержаться. После всего того, что между нами сейчас было, я должна узнать правду. Впереди меня Сент-Клэр сворачивает на центральную улицу, а затем машет такси. Черт!

Я озираюсь по сторонам и замечаю значок еще одного черного кэба. Практически бросаюсь ему под колеса, чтобы остановить, после чего забираюсь на заднее сиденье.

– Следуйте за тем кэбом! – восклицаю я.

– Серьезно, милочка? – спрашивает водитель, но трогается с места. – Ох уж эти американцы, – он качает головой, но мне плевать. Я слишком занята мыслями о том, что Сент-Клэр может делать здесь в три часа ночи. И быстро прихожу к заключению, что варианты не очень хорошие.

Кэб Сент-Клэра движется через Лондон в Фицровию, район, являющейся эклектической мешаниной из старого и нового, с каменными, кирпичными и деревянными строениями и площадью в центре главного перекрестка, у которого, как мне сказала Пэйдж, по выходным бывает фермерский рынок. Другой кэб тормозит у

обочины, и Сент-Клэр выходит. Мы сворачиваем к обочине на полквартала позади.

– Что теперь, милочка?

Улицы не освещены, и я колеблюсь.

– А район безопасный?

– Сейчас два часа ночи, леди. Вы одна. Сами как думаете?

Сент-Клэр уходит, и мне нужно быстро принять решение. Все это чистое безумие – не могу поверить, что слежу за своим парнем-тире-боссом по улицам Лондона посреди ночи.

Но я должна узнать правду.

– Спасибо, – говорю водителю и оплачиваю проезд, после чего следую за Сент-Клэром по другой стороне узкой улицы. Она вымощена булыжниками, так что я смотрю себе под

ноги, стараясь поспеть за ним. Но, завернув за угол, обнаруживаю, что он пропал.

Я потеряла его.

Миную несколько переулков, в которые он мог зайти, но я слишком напугана, чтобы свернуть в один из них. Мне жутко находится тут одной, и я вдруг чувствую себя душой. Что я делаю?

Заставляю себя идти дальше, пока не достигаю пустой широкой площади. Вокруг ничего, кроме молчаливых витрин кафе и булочной – и галереи.

Галереи.

Кровь в моих жилах леденеет. Не может быть, чтобы он направлялся туда...

Когда я подхожу к центральному входу, на улице царит жуткая тишина. Все закрыто.

Не доносится ни звука. Ничего необычного.

Может, я неправильно поняла. Может, из-за Леннокса я стала настолько иррациональным параноиком, что крадусь за Сент-Клэром посреди ночи. Но раз он улизнул из постели, то что-то явно происходит. И если даже есть какое-то прекрасное и разумное объяснение необходимости уйти в такой час, он явно не хочет, чтобы я об

этом

знала. Является ли это достаточной причиной для беспокойства? А затем мне на ум

63

N.A.G. – Переводы книг

приходит иная возможность: может, есть другая женщина. Может, меня дурачили не только в одном.

Я возвращаюсь назад через площадь, желтый свет уличных фонарей отбрасывает длинные тени, что соответствует моему настроению. Решаю поймать кэб, вернуться

домой

и постараться забыть обо всем этом. В любом случае, что я делала, строя из себя

Нэнси

Дрю?

Я иду назад тем же путем, которым пришла, надеясь, что смогу найти кэб и добраться домой, и вдруг вскрикиваю, заметив какое-то движение в тени.

Кто-то выходит из потайной боковой двери, и я отпрыгиваю назад с бешено колотящимся сердцем.

Сент-Клэр.

Он резко останавливается, когда видит меня.

– Грэйс? Что ты тут делаешь?

Я подмечаю его черные брюки и черную водолазку – идеальную одежду, чтобы раствориться в темноте. Выражение его лица зловещее.

– Могу задать тебе тот же вопрос.

Он мнетя на месте и нервно оглядывается, и я замечаю, что именно он держит под мышкой: переносную тубу. Именно такую, что используют для транспортировки картины

без рамы.

Чувствую, как вдоль позвоночника все леденеет.

Сент-Клэр. На темной улице. С картиной.

У меня пересыхает во рту. Яснее уже быть не может.

Сент-Клэр проследил мой взгляд.

– Это не то, что ты думаешь, – говорит он.

Вдруг ниже по улице раздается рев сигнализации, резкий звук эхом отдается в ночи.

Галерея. Мы оба поворачиваем головы, когда в одной из квартир над нами вспыхивает свет.

Сент-Клэр хватается меня за руку:

– Нам нужно выбираться отсюда.

Я вырываюсь.

– Я не собираюсь никуда идти, пока ты не расскажешь, что происходит, черт возьми!

– У нас нет времени!

Над нами вспыхивает все больше света, в то время как сирены продолжают выть.

– Тогда тебе лучше быстрее объяснить. – Глаза жгут горячие слезы, но я не позволяю им пролиться. – Потому что если это то, о чем я думаю, значит ты все это время мне лгал.

Сент-Клэр подходит ко мне. Его лицо искажено беспокойством, но оно по-прежнему мучительно прекрасно, его черты подчеркнуты тенью и выглядят величественней, чем когда-либо. Мое сердце сжимается от боли и страха, сигнализация визжит, но он протягивает ко мне руку, и мне приходится бороться с собой, чтобы не принять ее.

– Я все тебе расскажу, Грэйс, клянусь, все объясню. Но сейчас нам нужно уходить.

Это

небезопасно.

Я колеблюсь, разрываясь. Мне требуется объяснение. Мне нужно знать, что он не дурачил меня. Потому что в это мгновение все кажется обманом: моя новая работа мечты,

эта невероятная возможность, все, что между нами было...

Любовь всей моей жизни.

– Пожалуйста, – шепчет Сент-Клэр, его взгляд напряженно мечется по округе, прежде чем вновь вернуться и встретиться с моим. – Просто задай себе лишь один вопрос. Ты мне

доверяешь?

КОНЕЦ ВТОРОЙ КНИГИ

Перевод выполнен специально для группы https://vk.com/nag_books.

Выкладка глав третьей книги начнется с начала июля.